

ANDREW K.

МИРВАЛЬД

18+

ANDREW K.

Мирвальд

«Автор»

2026

К. А.

Мирвальд / А. К. — «Автор», 2026

В Мирвальде у каждого своя дорога. Кто-то уходит на юг, к торговым трактам. Кто-то служит в столице, где магия — обычное дело. А кто-то просто идёт за зверем в чащу, и никто не знает, что случится. Но однажды дорога приводит не туда, куда ты планировал. В лесу появляется то, чего там быть не должно. И тот, кто пошёл за добычей, возвращается совсем другим — или не возвращается вовсе. Всё, что у тебя осталось — это лук пропавшего отца. Твоё выживание зависит только от тебя самой.

© К. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	48
Глава 13	53
Глава 14	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

ANDREW K. Мирвальд

Глава 1

Свое имя Дибби любила. Оно было коротким и хлёстким, как удар тетивы. У неё не было звучной фамилии или богатого наследства на просторах Верданиши — огромного зелёного континента дикого мира Мирвальд. Всё её имущество состояло из поношенного плаща да старого тисового лука, оставшегося от отца-зверолова, пропавшего в Чащобе три зимы назад.

После исчезновения отца за Дибби приглядывал старик Бран — местный травник. Он безупречно знал лес: какой корень может унять лихорадку, а какая ягода спасёт от голода. Бран никогда не оставлял Дибби в беде и всегда делился скромными запасами, но девушке исполнилось шестнадцать. Ей претило быть обузой для старого друга её отца. Она твёрдо решила: пора зарабатывать самой. Пора доказать себе и Брану, что лук в её руках — это не просто память об отце, а оружие, способное прокормить.

Но этой осенью лес стал стремительно меняться. Звери почему-то уходили глубже в чащу, дичали, добычи у деревни почти не осталось, а голод подступал к самому горлу. Именно поэтому сегодня Дибби решила пойти так далеко на север, к самым подножиям суровых горных хребтов Острума.

Она замерла у ручья. Пальцы в протёртой кожаной перчатке натягивали тетиву. В тридцати шагах настороженно повёл пятак бурый вепрь. Настоящий монстр приграничья — огромный, с жёсткой щетиной.

В кармане Дибби сиротливо звякали последние три медные монеты. Ей нужен был этот трофей. Нужен был этот первый самостоятельный шаг.

Вдруг вепрь дёрнулся. Времени не осталось. Дибби затаила дыхание, мир вокруг сузился до одной уязвимой точки зверя. Пальцы разжались. Тетива невуче хлопнула, и стрела со свистом ушла в сырой воздух.

Костяной наконечник с влажным хрустом вонзился точно в основание правого уха вепря, уйдя глубоко в слуховой канал. Зверь оглушительно, противоестественно завизжал, взметнув копытами тучу брызг и жидкой грязи. Рана причинила ему страшную боль, но не убила. Дикий кабан яростно мотнул головой, ломая камыши, и его налитые кровью маленькие глаза уставились прямо на дуб, за которым пряталась Дибби. Секундное замешательство — и туша весом под два центнера, взрывая землю, рванулась прямо на неё.

Сердце Дибби ушло в пятки. Дерево было слишком старым, его нижние ветки располагались высоко, и запрыгнуть на них на глазах у несущегося тарана она просто не успевала. Страх парализовал на долю секунды, но инстинкт выживания оказался сильнее.

— Дура! — мысленно выругала она себя, попытка выбрать противника не по силам выглядела глупо.

Когда до трещащих клыков оставалось всего несколько шагов, Дибби, мёртвой хваткой сжимая лук в кулаке, рванулась в сторону и плашмя покатила в колючие заросли ежевики. Мелкие шипы мгновенно разодрали кожу на щеке и ладонях. Секундой позже кабан с глухим, страшным треском врезался в дубовый ствол. Дерево содрогнулось, сверху посыпалась увядшая листва, но удар пришёлся по касательной — кабан пропорол боком куст ежевики, подмяв Дибби под себя.

Раздался отчётливый, сухой хруст. Тяжёлое копыто наступило на тисовое дерево.

— Нет! — вырвалось у Дибби вместе со сдавленным выдохом. Боль от ушиба обожгла рёбра, но страх за лук отца оказался сильнее. Она увидела, что драгоценное дерево раскололось надвое.

Кабан оглушительно захрипел прямо над ней, дезориентированный ударом о дуб. Его вонючее, горячее дыхание обдало её лицо. Зверь уже разворачивал массивную морду, чтобы дотоптать девчонку. Времени на слёзы не было. Из оружия остался только старый охотничий нож на поясе, но пробить им толстый череп в упор у неё не хватило бы сил.

Тогда Дибби закричала от ярости и отчаяния. Так и не выхватив клинок, она обеими руками ухватилась за оперение стрелы, торчащей из уха вепря. Навалившись всем своим весом, она изо всех сил толкнула древко вперёд и вбок, забивая костяной наконечник глубже.

Стрела с хрустом преодолела тонкую кость внутри черепа. Вепрь издал короткий, захлёбывающийся хрип. Его глаза мгновенно остекленели, ноги подкосились, и огромная туша рухнула боком прямо в грязь, едва не придавив Дибби окончательно. Зверь судорожно дёрнул копытами по инерции и затих. Вода в ручье медленно окрашивалась в багровый цвет.

Дибби лежала в ежевике, тяжело дыша. На её щеке запекалась кровь из царапин, одежда была покрыта грязью, а рядом, в окровавленной траве, лежали две половинки сломанного тисового лука.

Лес не прощал долгих слёз. Дибби знала это так же чётко, как и то, что сырой запах крови уже начал расползаться по округе, смешиваясь с туманом, выползающим из низин Острума. Если она просидит здесь ещё немного, оплакивая лук, то сама станет лёгкой добычей для тех, кто покрупнее этого вепря.

Девушка глубоко вздохнула, яростно потерев лицо рукавом плаща, размазывая по щекам грязь и засохшую кровь. Взгляд её стал холодным и сосредоточенным. Она аккуратно убрала половинки отцовского лука в заплочный мешок — выбросить их здесь, в грязи, не поднялась бы рука. Затем Дибби поднялась на ноги, преодолевая ноющую боль в отбитых рёбрах, и уверенно вытащила с пояса охотничий нож.

Двухсоткилограммовая туша казалась неподъёмной горой, но Дибби точно знала, что делать. Тащить всё мясо в деревню в одиночку было безумием — она просто сорвёт спину на первой же миле. Нужно было брать только то, что имело настоящую ценность.

Она присела перед затихшим зверем и точным, привычным движением вогнала клинок. Клыки — крупные, загнутые, без сколов — Дибби вырезала в первую очередь. За них торговец в таверне мог дать добрый десяток серебряных монет.

Затем настал черёд шкуры. Работа в колючих кустах была грязной и изнурительной. Пальцы быстро онемели от липкой крови, но Дибби упрямо пластовала жёсткий бурый мех, стараясь не повредить его ножом. Напоследок она отсекла увесистый кусок вырезки — этого мяса им со стариком Браном точно хватит на несколько дней.

Когда Дибби наконец закончила и туго увязала добычу кожаным инуром, сумерки уже окончательно сгустились над ручьём. Её заплочный мешок стал ощутимо тяжелее, а руки подрагивали от усталости. Дибби бросила последний взгляд на остов кабана. Первый шаг к независимости был сделан, но цена оказалась слишком высока.

С каждым шагом мешок, пропитавшийся кабаньей кровью, казался всё тяжелее. Дибби шла быстро, насколько позволяли усталость и ноющие рёбра, но ночь у подножия Острума падала на лес стремительно, словно тяжёлый чёрный занавес. Вековые кроны деревьев смыкались над головой, пряча остатки закатного неба. Глухая чаща вокруг наполнялась чужими, пугающими звуками: треском сучьев, шорохами в густом подлеске и далеким, тоскливым воем, от которого волосы на затылке вставали дыбом.

Идти к деревне в такой темноте, да еще и с сырым мясом за спиной, было чистым безумием. Хищники уже вышли на охоту, а у неё на поясе остался лишь короткий нож.

Ей нужно было укрытие. Срочно.

Прижимаясь спиной к массивным стволам, Дибби лихорадочно озиралась по сторонам. Удача улыбнулась ей, когда луна наконец пробилась сквозь тучи, осветив крутой скалистый склон чуть левее ручья. Там, среди переплетенных корней старой сосны, чернел узкий зев небольшой расщелины. Это была не глубокая пещера, где мог обитать медведь или лютоволк, а скорее тесный каменный карман, куда крупный хищник просто не пролезет.

Дибби буквально втиснулась внутрь, сбросила тяжелый мешок и завалила узкий вход несколькими толстыми сучьями и крупными камнями. Внутри пахло сухой землей и хвоей.

Сжавшись в комок в глубине расщелины и подтянув колени к подбородку, она положила руку на рукоять ножа. Первую ночь своей новой, независимой жизни молодая охотница встречала в полной темноте, прислушиваясь к шагам дикого леса прямо за стеной из веток.

Глава 2

Дибь проснулась не от шума. Она проснулась от чужой боли.

Это было странное, пугающее чувство, какого она не испытывала никогда в жизни. В груди, прямо под рёбрами, вдруг горячо и болезненно кольнуло. Сердце забилося в бешеном, рваном ритме, а в голове завертелся вихрь из чужого страха, паники и отчаяния. Ощущение было настолько осязаемым, будто кто-то невидимый звал её по имени, умоляя о помощи.

Девушка тяжело задыхалась, прижимая ладонь к груди. Обычный человек посчитал бы это кошмаром, но Дибь, выросшая в лесу, интуитивно поняла: это не её страх. На расстоянии нескольких сотен шагов от неё прямо сейчас погибало живое существо. И какая-то неведомая сила — её собственное, внезапно ожившее охотничье чутьё — намертво связала её с этим гибнущим сознанием.

Остаться в укрытии стало невыносимо. Чужая паника жгла изнутри, требуя действия.

Дибь стиснула зубы, преодолевая слабость в теле. Смеркалось, но отступать было поздно. Сжав в руке верный охотничий нож, она осторожно отодвинула сучья и выбралась из расщелины в холодную ночную сырость.

Она шла вслепую, ведомая лишь этим внутренним компасом боли. Ночной лес Острума вокруг казался мёртвым: ни шороха птиц, ни стрёкота насекомых. Воздух сделался плотным, пахнущим гнилой хвоей и чем-то химически-острым, от чего першило в горле. Эта сила буквально выживала всё живое из чащи.

Дибь миновала каменную осыпь и углубилась в полосу бурелома. Именно здесь, у корней поваленной старой ели, её внутреннее чутьё взорвалось острой вспышкой. А в следующую секунду сквозь гнетущую тишину прорезался реальный звук.

Жалобный, захлёбывающийся писк. На ковре из пожухлого мха, зажатый между массивными корнями, лежал маленький комочек — детёныш дымчатого барса, обитающего на скалистых уступах Острума. Его серая пятнистая шерсть была взъерошена, а крохотные когти беспомощно царапали воздух.

Но котёнок был не один. Из темноты за поваленным стволом на него медленно надвигалось нечто, чьи очертания едва угадывались в лунном свете, но от чего веяло чистым, противостоестественным ужасом...

Тварь, надвигавшаяся на малыша, не была зверем Вердании. Отец никогда не рассказывал о таких на привалах, да и Бран в своих травяных сборах не сталкивался ни с чем подобным. Это был Каркот — порождение чуждой, мертвой мглы, соткавшееся прямо из ночной сырости и гнили.

У существа не было четких очертаний тела. Оно выглядело как оживший сгусток иссиня-черного тумана, сквозь который проступали уродливые, костлявые суставы и длинные, похожие на сухие ветви лапы. Каркот двигался беззвучно, но земля под его конечностями мгновенно чернела, а мох рассыпался в серую пыль. Из того места, где у живых существ должна быть голова, струился яркий огненный свет.

Дибь замерла, парализованная инстинктивным ужасом. Разум кричал, что нужно бежать назад к расщелине, забаррикадироваться и молиться до рассвета. Сражаться с этим кошмаром обычным охотничьим ножом было чистым самоубийством. Она не знала, как ранить туман.

Но внутри её груди по-прежнему бешено стучало чужое, крохотное сердце. Ментальная связь с котёнком барса жгла каленым железом. Малыш издал последний, едва слышимый писк, когда костлявая лапа Каркота зависла прямо над его головой.

Времени на размышления не осталось. Дибби закричала — дико, отчаянно, заглушая собственный страх.

Она не пошла в бой. Вместо этого девушка сделала резкий, взрывной рывок вперед. Пролетев три шага, она в падении проехала коленями по мокрой хвое, сгребла пушистый дымчатый комок в охапку и прижала к своей груди. В ту же секунду над её головой со свистом пронеслась ледяная лапа Каркота, обдав затылок запахом тлена и могильного холода.

Не выпрямляясь, Дибби перекатилась через плечо, вскочила на ноги и, тяжело вскидывая воздух легкими, бросилась бежать назад сквозь бурелом, не разбирая дороги. Котёнок в её руках мелко дрожал, вжавшись в поношенный плащ, а сзади, ломая вековые ветви елей, с металлическим шуршанием разворачивалась разгневанная тварь.

Лёгкие Дибби горели так, словно в них плеснули кипятка. Она бежала сквозь ночной лес, напрягая последние силы, намертво прижимая к груди дрожащего дымчатого барса. Позади, ломая ветви и выжигая мох, скрежетал Каркот. Тварь не отставала — её холодное, гнилостное дыхание уже касалось затылка девушки, а алые языки света выхватывали из темноты стволы деревьев, создавая еще более пугающие тени.

Дибби споткнулась о торчащий корень и кубарем полетела на землю, успев в последний момент перевернуться, чтобы зацелить котёнка своим телом. Каркот соткался над ней чёрной туманной глыбой. Из его костлявой пасти вырвался рваный хрип, и длинные лапы потянулись к её лицу.

Дибби зажмурилась, выставив вперед нож.

Вспышка!

Ночь вокруг на секунду взорвалась ослепительным серебряным сиянием. Раздался громкий свист разрезаемого воздуха, а следом — яростный, шипящий визг Каркота. Дибби открыла глаза и увидела, как между ней и чудовищем стоит высокая фигура в сером походном плаще.

В руке незнакомца горел массивный обоюдоострый клинок, покрытый пульсирующими светящимися рунами. Именно эта магия заставила Каркота пятиться, оставляя в воздухе клочья чёрного дыма.

— Назад, отродье! — глухо, но уверенно произнёс мужчина.

Он сделал широкий взмах мечом в сторону, где у твари должна быть голова. Клинок, усиленный магией рун чистого света, с громким хлопком буквально растворил монстра. Туманное тело Каркота превратилось в едкую, пахнущую гарью жидкость, которая с шипением впиталась в землю. Через пару секунд от чудовища не осталось ничего.

Мужчина тяжело выдохнул, руны на его оружии медленно угасли, и он обернулся к Дибби. Из-под глубокого капюшона на неё смотрели усталые, но цепкие глаза зрелого воина.

— Вставай, малявка. Сидеть на голой земле, когда сквозь Острум лезет такая дрянь — плохая идея, — сказал он, протягивая ей крепкую руку в латной перчатке.

— Спасибо, — только и смогла ответить охотница.

— Нам нужно укрытие, — мужчина начал осматриваться. — Неизвестно сколько их еще может быть, они обычно появляются ночью, а размахивать этим мечом не так просто да и нужно много концентрации.

— Здесь есть недалеко мое укрытие, — Дибби указала в сторону, откуда прибежала. И они осторожно пошли.

Сидя в укрытии, Дибби бережно поглаживала серую шёрстку спящего барса, который с удовольствием отведал кусочек свежесдобытой свинины.

Охотница всматривалась в лицо своего спасителя. Вопросов было слишком много, но она не знала, с чего начать.

— Ты ведь никогда не видела Каркотов, верно? — нарушил тишину мужчина, заметив её взгляд. — Не удивительно. Они не заходят так далеко на юг Вердании. Пока не заходят.

— Что это за твари? — тихо спросила Дибби. — Они пахнут гнилью. Из-за них уходят звери?

— Из-за них, — хмуро кивнул патрульный. — Каркоты — это падалычики изнанки мира. Сами по себе они не рождаются. Они появляются там, где земля начинает умирать, где пробивается Скверна. Они высасывают из леса жизненные соки. Обычные животные чувствуют эту мертвечину за много миль и бегут без оглядки. А те, кто не успел сбежать... Каркоты выпивают их досуха, оставляя лишь прах. Раньше их были единицы на весь мир, но теперь мы все чаще видим их появление и еще не понимаем, что явилось причиной столь массового нашествия.

Он посмотрел на её сломанный тисовый лук, торчащий из мешка.

— Против них обычное железо и дерево бессильны, — мужчина хмуро взглянул на расколотый лук. — Тут нужно то, что скрыто внутри человека. Наша истинная суть, наши способности, сайны. Мой орден патрулирует эти границы уже год, пытаюсь сдержать натиск тварей. То, что Каркот вышел к этому ручью, значит одно — барьер истончается. И скоро простым людям в деревнях придётся либо бежать, либо учиться сражаться. Кстати меня зовут Диртан.

Диртан перевёл взгляд на маленького барса, который во сне доверчиво уткнулся носом в ладонь Дибби.

— Но вот что странно... Как ты узнала, что этот малый в беде? Ты просто не смогла бы отсюда его услышать... Разве что, в тебе тоже просыпается свой сайн.

Дибби растерянно опустила глаза, вспомнив ту странную, горячую боль в груди, которая выгнала её из тёплого убежища прямо в лапы к чудовищу...

Глава 3

Сон сморил Дибби внезапно, едва она опустила голову на свёрнутый походный плащ. Организм, истощённый безумным днём, тяжёлой схваткой с вепрем и ночным бегством от черной туманной твари, просто отказался подчиняться. Ей казалось, что она провалилась в бездонную сухую яму, где не было ни звуков, ни Каркотов.

Утро ворвалось в расщелину резкими, косыми лучами солнца, пробравшимися сквозь наваленные у входа ветви ежевики. Костёр давно прогорел, оставив после себя лишь горстку сизого пепла и едва уловимый дымный запах. Дибби резко села, шумно втянув воздух ноздрями, и её правая рука инстинктивно метнулась к поясу — туда, где висел охотничий нож.

Страх отпустил не сразу, а лишь когда ладонь наткнулась на что-то мягкое и пушистое. Рядом с её бедром, свернувшись плотным серым клубком, мирно сопел дымчатый барс. Котёнок смешно подёргивал лапами во сне, словно всё ещё куда-то бежал. Странная, давящая боль в груди Дибби, которая ночью едва не свела её с ума, теперь утихла. Вместо неё от спящего малыша шло едва уловимое, ровное тепло — смесь сытости, покоя и слепого детского доверия. Накануне вечером, перед тем как уснуть, она успела отрезать ему крохотный лоскут от сочной вырезки вепря и, судя по чистой шёрстке на мордочке, барс отведал свинину с огромным удовольствием.

Дибби осторожно поднялась, стараясь не потревожить зверя. Каждое движение отзывалось тупой, ноющей болью в рёбрах — ушиб от падения обещал напоминать о себе ещё долго.

Диртан уже не спал. Высокий воин сидел у самого выхода на залитом солнцем камне и лениво протирал суконной ветошью массивные наручи. Огромный обоюдоострый меч покоился у его колена. Руны на лезвии, ночью ослеплявшие серебряным сиянием, сейчас казались просто глубокими, потемневшими царапинами на старой стали.

— Проснулась, соня? — не оборачиваясь, глухо промолвил воин. Его голос спросонья звучал ещё более хрипло. — Собирайся. Днём эти твари под солнце не полезут, но нам обоим нужно успеть до темноты. Мой маршрут лежит дальше на север, вдоль каменистых хребтов Острума, а тебе с твоим грузом предстоит долгий путь назад, к равнинам.

Дибби смолчала, увязывая заплечный мешок. Шкура вепря за ночь подсохла и стала жёсткой, а две половинки отцовского тисового лука, торчащие из кармана мешка, резали взгляд тупой тоской.

— Послушай, малявка, — Диртан встал во весь рост, заставив ремни тяжёлого доспеха сухо скрипнуть. Он убрал ветошь и закинул меч за спину. — В тебе просыпается сайн. Ты сама это чувствуешь, даже если боишься признать. Без обучения ты либо погибнешь в первом же буреломе, либо тебя выпьет досуха следующий Каркот, которого ты не успеешь заметить. Я предлагаю тебе пойти со мной в столицу Вердани, город Элириум. У нас есть мастера, книги, полигоны. Нас учат подчинять и развивать эту силу, превращая её в оружие. Сейчас ордену как никогда нужны люди. Пойдём. Из тебя выйдет отличный следопыт.

Дибби замерла, удерживая в руках заснувшего барса. Перспектива оказаться в столице, о которой только слышала, получить новое оружие и узнать, что за сила бурлит в её венах, манила с невероятной силой. Но перед глазами встало лицо старика Брана. Травник ждал её в полузаброшенной лачуге. Он делился с ней последним хлебом не для того, чтобы она сбежала со случайным рыцарем при первом же удобном случае. Она обещала себе встать на ноги сама. Начать жизнь с побега в чужую цитадель казалось слабостью.

— Нет, — Дибби твёрдо качнула головой, глядя прямо в усталые глаза воина. — Спасибо тебе, Диртан. За всё. Но я не могу. Меня ждут дома, и я должна вернуться.

Патрульный внимательно взгляделся в её лицо, словно пытался отыскать там сомнения или девчоночий испуг. Но упрямый, резаный взгляд молодой охотницы заставил его лишь тяжело вздохнуть.

— Человеческое упрямство порой прочнее закалённой стали, — мужчина с досадой усмехнулся, полез в походный подсумок на поясе и выудил оттуда небольшой, тускло мерцающий бирюзовый кристалл размером с крупную лесную ягоду. — Возьми. Это одноразовый камень связи. Он настроен лично на мою руническую метку. Если Скверна подступит к твоей деревне или ты поймёшь, что хочешь узнать больше о сайнах — просто сожми его в кулаке и раздавь. Я найду тебя.

Дибби аккуратно приняла кристалл. Камень оказался удивительно прохладным, несмотря на яркое солнце, а внутри него лениво переливалась живая бирюзовая искра. Проснувшийся барс мгновенно насторожился: он вытянул шею, смешно повёл носом возле ладони Дибби и тихо чихнул — магия явно щекотала ему ноздри. Охотница бережно спрятала артефакт в глубокий внутренний карман своего потертого плаща, поближе к сердцу.

— Спасибо, Диртан. Я сохраню его, — тихо пообещала она.

— Ну, пошли на воздух. Посмотрим, не заждался ли меня мой приятель, — Диртан махнул рукой, увлекая её наружу.

Они осторожно выбрались из расщелины и пошли по узкой каменистой тропе, огибающей склон. При дневном свете Дибби окончательно поняла, от чего её спас патрульный. Та поляна, где ночью орудовал Каркот, выглядела жутко: некогда зелёный пышный мох превратился в серую, крошащуюся под сапогами пыль, а корни старой ели были покрыты липкой, чёрной копотью, от которой всё ещё шёл едва заметный пар. Лес вокруг стоял мёртвым и притихшим, словно природа Вердании всё ещё зализывала ночные раны.

Через десять минут ходьбы тропа вывела их на широкий, открытый всем ветрам скалистый уступ. Далеко внизу расстиралось бескрайнее зелёное море приграничных лесов Мирвальда, уходящее к самому горизонту. Воздух здесь был кристально чистым.

Диртан остановился у самого края обрыва, где камни обрывались вертикально вниз, приложил два пальца к губам и издал оглушительный, пронзительный свист. Звук эхом покатился по ущельям Острума. Прошло не больше минуты, как из-за ближайшего пушистого облака, золотящегося на утреннем солнце, камнем устремилась огромная крылатая тень.

С оглушительным хлопком мощных перьев на скалу приземлился величественный грифон. Его передняя, орлиная часть была покрыта сталью-серым глянцевым пером, а массивное львиное тело перекачивалось от натренированных мышц под гладкой шерстью. На спине хищника крепилось тяжёлое кожаное седло, окованное темной бронзой.

Котёнок барса испуганно вжался в ногу Дибби, вздыбил серую шерсть и забавно, но отчаянно зашипел на огромного монстра. Сама Дибби тоже затаила дыхание — такой первобытной мощи она ещё никогда не видела на расстоянии вытянутой руки.

Диртан уверенно закинул ногу, устраиваясь в седле, перехватил кожаные поводья и в последний раз обернулся к охотнице:

— До встречи, Дибби. Береги кошака. И себя не подставляй.

— Кто это? — с восторгом проговорила охотница.

— Это грифон, орел с телом льва, мы их разводим у себя. Только офицеры ордена могут их призывать, хозяина они услышат за несколько миль. Грифоны не всесильны, поэтому ночью они либо сидят в высоких горах, либо кружат, ожидая зова хозяина, но иногда и могут помочь в бою, но против Каркота клыки и клюв не подойдут.

С последними словами Диртан потянул поводья на себя.

Грифон издал яростный, клёкочущий крик, от которого заложило уши, мощно оттолкнулся четырьмя лапами от каменного плато и взмыл ввысь. Буквально за три взмаха огром-

ных крыльев он поймал восходящий поток воздуха и превратился в крохотную точку на фоне бескрайней лазури Мирвальда .

Дибби осталась стоять на уступе совершенно одна. Ветер, пахнувший горной свежестью, яростно трепал полы её плаща. Она поправила потяжелевший мешок со шкурой вепря, крепче прижала к себе притихшего дымчатого барса и уверенно шагнула на тропу, ведущую вниз — домой, к старику Брану.

Она шла, а в мыслях уже крутился вихрь из сотен вопросов. Дибби понимала, что эта дорога назад будет долгой, но ещё дольше будет их ночной разговор у очага. Ей нужно было столько всего рассказать травнику и о стольких вещах спросить. О таинственной Изнанке, о жутких Каркотах, пожирающих леса, о загадочных сайнах, которые внезапно просыпаются в простых людях, и о далёкой сияющей столице Элириуме — обо всём том огромном, пугающем и прекрасном мире, о котором в их глухой приграничной деревне никогда и никто даже не слышал.

Глава 4

Дорога к дому заняла весь день, но Дибби шла в приподнятом настроении. Солнечные лучи пробивались сквозь кроны деревьев Вердании, а за спиной приятно давил тяжёлый мешок. Внутри него лежала шкура огромного вепря и его загнутые клыки — товар, который должен был принести им с Браном целое состояние. Но самым главным её сокровищем был маленький дымчатый барс. Котёнок быстро освоился, перестал шипеть и теперь тихо дремал в складках её плаща, мерно посапывая в такт шагам. Дибби улыбалась. Она чувствовала себя победительницей.

Однако хорошее настроение улетучилось, стоило ей выйти на опушку перед родной деревней.

Вокруг стояла неестественная, тревожная суматоха. На пригорке у загонов толпились хмурые мужчины с вилами, а женщины тихо переговаривались, прижимая к себе испуганных детей. Подойдя ближе, Дибби похолодела. Прочная изгородь общего загона была буквально разнесена в щепки, словно по ней ударил таран. На вытоптанной земле виднелись следы глубоких когтей, а трава вокруг была покрыта той самой серой, крошащейся пылью, которую Дибби видела утром на мёртвой поляне. Две овцы из стада старосты лежали неподвижно, их тела выглядели иссохшими, будто из них выпили всю жизнь. Скверна добралась до её дома.

— Дибби! — раздался впереди знакомый, надрывный голос.

Из толпы, прихрамывая и опираясь на суковатую палку, быстро шёл старик Бран. Лицо старого травника было бледным, под глазами залегли тёмные тени — он явно не сомкнул глаз эту ночь.

— Дедушка! — крикнула Дибби, сбросив тяжёлый мешок, и со всех ног бросилась к нему.

Она с разбегу обняла его за шею, крепко зажмурившись. Бран судорожно прижал её к себе единственной рукой, его плечи мелко дрожали от пережитого страха.

— Глупая девчонка, — глухо прошептал он ей в волосы. — Ты не вернулась к ночи... Я думал, Чащоба забрала тебя, как и твоего отца. В лесу творится что-то страшное, на деревню напали...

— Я жива, дедушка, всё хорошо, — Дибби отстранилась и бережно подняла с земли свою ношу. — Пойдём в лачугу. Мне нужно столько всего тебе показать и рассказать.

Оказавшись за надёжной дубовой дверью их маленького дома, Дибби наконец смогла перевести дух. Она аккуратно развязала кожаные шнурки и вывалила на старый деревянный стол свой улов. Жёсткий бурый мех вепря-секача занял почти всё пространство, а на него с глухим стуком легли массивные, острые клыки. Из глубин плаща тут же высунулась любопытная серая мордочка. Детёныш барса удивленно повёл ушами и запрыгнул на столешницу, принимаясь обнюхивать сушёные пучки трав Брана.

Старик ошеломлённо переводил взгляд с огромной шкуры на живого лесного хищника. Он осторожно коснулся пальцами клыков, а затем посмотрел на две половинки расколотого тисового лука, которые Дибби тоже молча положила на край стола.

— Ты завалила секача... в одиночку? — Бран медленно покачал головой, не веря собственным глазам. — И притащила горного барса? Дибби, как ты выжила в эту ночь?

Дибби присела на скамью, чувствуя, как к горлу подкатывает волна волнения.

— Ночью на меня напал не только вепрь, дедушка, — тихо начала она, поглаживая подошедшего к ней котёнка. — Была ещё одна тварь. Её зовут Каркот. Она соткана из чёрного дыма и гнили, а вместо головы у неё горит алый огонь. Она пришла за этим мальшом, но я... я почувствовала его страх. Прямо здесь, в груди. Меня спас патрульный ордена по имени Диртан. Он улетел на огромном грифоне, но перед этим сказал странную вещь. Он сказал, что во мне просыпается сайн. Дедушка, ты когда-нибудь слышал это слово? Что такое сайн?

Бран при звуке этого слова резко замер. Его рука, тянувшаяся к пушистой спине барса, дрогнула и опустилась. Травник тяжело вздохнул, его лицо показалось Дибби ещё более старым и измождённым, чем прежде. Он медленно прошёл к очагу, подбросил в огонь пару поленьев и повернулся к ней.

— Слышал, Дибби. К несчастью, я слышал об этом, — хмуро ответил старик. — Сайны — это метки силы, которые мир даёт избранным людям. Из тех, в ком загорается этот знак, выходят великие воины, колдуны или ловцы. Иногда, раз в несколько зим, такие молодые люди появлялись и в нашей деревне. Едва их сайн давал о себе знать, в глушь приезжали блистательные посланники из столицы Вердании. Они забирали их в город Элириум, обещая богатство, славу и обучение в великих академиях...

Бран злоежась замолчал, всматриваясь в танцующие языки пламени.

— И что с ними стало? — с замиранием сердца спросила Дибби.

— Ничего, — отрезал Бран, и его голос дрогнул от скрытой горечи. — Они уезжали в столицу, полные надежд, но почти никогда не возвращались назад. словно этот сияющий город просто стирал их из жизни, оставляя семьи ни с чем. Но один всё-таки вернулся.

Дибби подалась вперёд, едва не сбросив с коленей заснувшего барса.

— Кто он? Он в деревне? Почему я никогда о нём не слышала?

— Потому что его здесь нет, Дибби, — тихо, почти шёпотом произнёс травник, покосившись на запертую дверь. — Его зовут Ораст. Он вернулся около десяти лет назад из соседнего хутора. Но от прежнего весёлого парня ничего не осталось. Он приполз ночью, истощённый, израненный. В нём словно угасла вся жизнь, а его сайн... его сила была полностью мертва. Он не стал задерживаться среди людей, заколотил свой дом и ушёл жить отшельником куда-то на север, в Дикие скалы, к самой границе. Люди поговаривают, что он сошёл с ума. Что бы с ним ни сделали в столице, это сломало его.

Бран строго посмотрел на внучку:

— Поэтому ты должна молчать. Ни одна живая душа в деревне не должна знать, что ты почувствовала этого барса на расстоянии. Для всех ты просто наткнулась на него в кустах. Лук твоего отца расколот, шкуру вепря мы продадим, а твой сайн... пусть он спит. По крайней мере, пока ты не окрепнешь.

Дибби молча опустила глаза и коснулась пальцами мягкого уха дымчатого котёнка. Она согласно кивнула дедушке, но внутри неё уже разгоралось упрямое, чисто охотничье любопытство. «Ораст. Человек, который сбежал из столицы». Что именно лишило его сил? Она обязательно найдёт его, чего бы ей это ни стоило. Но сначала нужно было разобраться с насущными проблемами.

Котёнок на её коленях сладко потянулся, перевернулся на спину и забавно зевнул, продемонстрировав крохотные, но уже острые клыки.

— Раз уж мы теперь вместе, — прошептала она, почёсывая малыша за ухом. — У тебя должно быть имя. Будешь Сайгар, в честь свирепых горных кошек из преданий отца. Ну или маленький Сай, посмотрим еще.

Котёнок словно одобрительно мурлыкнул в ответ на имя, растягиваясь на её коленях.

— Ладно, — Бран прервал её мысли, оценивающе глядя на огромную бурую шкуру на столе. — Философией сыт не будешь, а староста и кожевник сейчас на площади. Твари Скверны ночью сильно потрепали стадо, деревне нужны ресурсы. Если мы прямо сейчас отнесём им шкуру и клыки этого секача, староста выкупит их не глядя. На эти деньги мы сможем купить тебе у заезжего купца новый лук. Пошли, а мясо нам сейчас очень пригодится, тем более что кормить нам теперь троих.

Когда Дибби и Бран вышли на деревенскую площадь, суматоха здесь и не думала утихать. Староста — грузный мужчина в богатом кафтане с меховой опушкой — стоял у разрушен-

ного загона и хмуро выслушивал пастухов. Рядом крутился местный кожевник, оценивая осматривая туши двух иссохших овец.

— Почтенный староста, — Бран, хромая подошёл ближе, Дибби следовала за ним, согнувшись под тяжестью огромного свертка. — Слышали мы про ночную беду. Лес нынче опасен. Но у нас есть то, что может поправить дела деревни.

Дибби с глухим звуком сбросила шкуру на землю перед мужчинами и рванула завязки. Бурый, густой мех вепря-секача развернулся во всю ширину. Следом она выложила на траву массивные, загнутые клыки.

Пастухи охнули. Кожевник даже присел на корточки, неверяще ощупывая невероятно плотную, прочную шкуру, на которой почти не было изъянов.

— Разрази меня гром, Бран... — староста уставился на трофей, переводя взгляд со старого травника на хрупкую шестнадцатилетнюю девочку. — Откуда у вас это? Такой секач мог половину наших пастухов на клыки поднять! Его шкура сейчас — спасение для охраны, из неё выйдут отличные защитные нагрудники на случай нового налёта.

— Лес взял своё, но и нам кое-что оставил, — уклончиво ответил Бран, помня уговор с Дибби молчать про Сайна и ночные события. — Моя внучка наткнулась на него у подножия Острума. Зверь уже был ранен, ей оставалось лишь закончить дело. Но её лук раскололся надвое.

Староста понимающе кивнул. Взамен выпитых Скверной овец деревня получала ценнейший боевой материал. Мужчина сунул руку в поясной кошель и вытащил оттуда горсть серебра.

— Здесь двадцать серебряных монет, больше не дам, потому что нет, — староста протянул деньги Брану, но тот сказал, что деньги честно заработала Дибби и подтолкнул плечом молодую девушку.

Дибби подставила ладони, в которые опустилось серебро, первый настоящий большой заработок.

— Кожевник заберёт шкуру, клыки я оставляю себе. Заезжий купец как раз стоит у постоянного двора, у него есть неплохое оружие из южных мастерских Вердании. На это серебро ты купишь себе лук, который не сломается от первого же кабана, девочка.

Она посмотрела на темнеющие вдали хребты Острума. Скверна наступала, сайны столицы скрывали мрачные тайны, а где-то там, в Диких скалах, прятался отшельник Ораст. Дибби знала: новый лук понадобится ей очень скоро.

Глава 5

Стоило Дибби и Брану вернуться с площади в прохладную тишину лачуги, как силы окончательно оставили девушку. Двадцать серебряных монет, бережно убранные в кошель, большие не казались такими лёгкими. Руки крупно дрожали, а рёбра, по которым накануне пришёлся касательный удар вепря, теперь зашились такой острой, тупой болью, что у охотницы перехватило дыхание. Она со стоном опустила на деревянную лавку, едва не выронив из рук Сайгара.

Котёнок, почувствовав состояние хозяйки, тихонько заскулил и преданно уткнулся носом в её ладонь.

— Так, горе-охотница, снимай плащ, — Бран сурово нахмурился, но в его глазах читалась искренняя тревога. Старик, хромая подошёл к своим полкам, где в идеальном порядке стояли десятки глиняных горшочков. Одной рукой он ловко плеснул в котелок колодезной воды, бросил туда горсть сухих листьев и поставил на огонь, наполняя комнату резким, горьковатым ароматом.

— Покупку лука мы отложим, — безапелляционно заявил Бран, бережно смывая засохшую кровь и грязь с исцарапанных щёк Дибби. — Заезжий купец простоит у постоялого двора ещё три дня, никуда твоё серебро не денется. А вот если ты со отбитыми рёбрами ходить будешь, никакой лук тебе не поможет. Слава силам, кости целы, просто сильный ушиб. Сейчас приложу компресс, к утру опухоль спадёт.

Дибби зажмурилась, когда прохладная мазь коснулась её разодранной кожи. Боль сперва обожгла рёбра, а затем медленно начала отступать, сменяясь приятным онемением. Её взгляд упал на угол стола, где сиротливо лежали две половинки расколотого тисового лука.

В горле внезапно встал горький, удушливый комок. Дибби до боли сжала кулаки, пытаясь сдержаться, но слёзы, которые она так упорно прятала в лесу и на площади, хлынули из глаз сами собой, оставляя чистые дорожки на исцарапанных, испачканных грязью щеках. Плечи девушки мелко задрожали.

— Прости, дедушка... — всхлинула она, и её голос сорвался на жалобный, совсем ещё детский плач. — Я не сберегла лук отца. Это была единственная вещь... единственное, что от него осталось! Я так глупо подставилась под этого вепря...

Бран на секунду замер, держа в руке тряпицу для компресса. Он повернулся, посмотрел на плачущую девочку, и его суровое лицо мгновенно смягчилось. Старик тяжело вздохнул, бережно отложил лекарство и опустился на край её кровати. Своей единственной, мозолистой рукой он осторожно прижал Дибби к себе, позволяя ей уткнуться лицом в его старое, пахнущее полыньё плечо.

— Ну-ну, поплачь, маленькая, — тихо, успокаивающе пробормотал травник, поглаживая её по взъерошенным волосам. — Хватит уже в сильную играть, натерпелась за ночь...

Он перевёл взгляд на сломанное дерево на столе.

— Твой отец брал этот лук не для того, чтобы ты хранила его под замком, Дибби. Он брал его, чтобы ты выжила. Лук защитил тебя в лесу, принял удар на себя. Считай, что твой отец вчера снова спас тебе жизнь. А дерево... дерево мы заменим. Главное, что ты вернулась.

Дибби тихо шмыгнула носом, постепенно успокаиваясь от теплых слов деда. Чужая паника и страх больше не жгли грудь, уступив место сонной, обволакивающей усталости.

Маленький Сайгар в этот момент робко высунул мордочку из складки плаща, наострил дымчатые уши и тихо фыркнул на резкий запах лечебного отвара. Он осторожно перебрался на кровать и принялся аккуратно слизывать слезинку с ладони Дибби, щекоча кожу своими крошечными усами. Бран покосился на котёнка, качая головой:

— И вот этого проглота нам теперь кормить. Ты только посмотри на него — дикий барс, а ласковый, как домашний кот. И как ты его только из леса вытащила... Ладно, ложись. Спи. Травя должна подействовать.

Утро встретило Дибя глухой, тягучей ломотой во всём теле. Компресс старика Брана сотворил маленькое чудо — острая боль ушла, сменившись тупым онемением, но рёбра всё равно недовольно отзывались на каждый глубокий вздох. Превозмогая слабость, девушка поднялась с кровати. Двадцать серебряных монет тихо звякнули в кармане плаща, напоминая о главной цели. Оставив сытого, крепко спящего в травах Сайгара под присмотром деда, она накинула капюшон и вышла на улицу.

Деревня Верданих просыпалась неохотно, умытая холодным осенним туманом. Это было небольшое приграничное поселение: два десятка покосившихся бревенчатых изб, крытых потемневшей от времени соломой и мхом. На улочках пахло сырой землёй, коровьим навозом и печным дымом. Обычно в это время здесь было шумно, но сегодня над дворами висела тяжёлая, гнетущая тишина. Жители ещё не оправились от ночного налёта. Староста хмуро расхаживал возле полуразрушенного общего загона, где плотники лениво стучали топорами, пытаясь восстановить разнесённую в щепки изгородь. Люди провожали Дибя настороженными, уставшими взглядами, но она шла мимо, пряча лицо в тени капюшона.

Постоялый двор располагался на самой окраине, у дороги, ведущей к южным трактам. Возле крыльца раскинул свой лагерь заезжий купец. Его огромная повозка, крытая плотным просмоленным брезентом, напоминала небольшой дом на колёсах. Вокруг были расставлены массивные деревянные ящики, заваленные всякой всячиной: от южных пряностей и блестящих железных кастрюль до тюков со льном и грубой обувью. Сам торговец — приземистый, круглый мужчина с цепкими, хитрыми глазками и окладистой бородой — усердно пересчитывал какие-то ремни.

— Здравствуйте, — тихо произнесла Дибя, подходя ближе. Она постаралась расправить плечи, чтобы не показывать, как ноет ушибленный бок при каждом шаге. — Подскажете, у вас можно купить лук? Хороший, южной работы. Чтобы не подвёл в лесу, если выйдет крупный зверь.

Купец окинул её быстрым, оценивающим взглядом, задержавшись на её исцарапанной щеке и простых охотничьих сапогах. В его глазах промелькнуло удивление — не часто молодые девушки приходили к нему за настоящим оружием.

— Лук? — торговец поскрёб бороду и тяжело вздохнул, недовольно прищелкнув языком. — Эх, опоздала ты, милая. Был у меня один ясневый, отличный, да его пастухи старосты ещё на рассвете перехватили. Лес-то ваш совсем с ума сошёл после ночи, все оружие скупают, защищаться думают. Из дальнего боя остались только детские самострелы на птицу да тяжёлые арбалеты, которые ты и с места не сдвинешь.

Дибя почувствовала, как внутри всё упало. Без лука она была как без рук. Двадцать серебряных монет в кармане казались теперь бесполезным грузом.

— Совсем ничего нет? — упавшим голосом переспросила она, сиюсь скрыть подступающее разочарование.

— Из оружия — ни единой приличной тетивы, — честно развёл руками купец, но тут же мягко прищурился, заметив, как помрачнела молодая охотница. — Но ты не вешай нос, девица. Гляжу я на твои раны... Оружие — это, конечно, хорошо, но если тебя зверюга за бок цапнет, никакой лук не спасёт. Тебе броня нужна. Простая, лёгкая, чтоб бегать в чаще не мешала.

Он подошёл к одному из ящиков и вытащил оттуда плотный, пахнущий дёгтем и дублёной кожей жилет. Это был простой кожаный доспех, искусно сшитый из широких, налегающих друг на друга полос толстой кожи, скреплённых медными клёпками. По бокам шли прочные ремни для подгонки по фигуре.

— Настоящая южная работа, — купец бережно похлопал ладонью по нагруднику. — Полосы подвижные, дышать в нём легко, рёбра защитит от любого скользящего удара или когтей. Для лесного следопыта — самое то. Отдам за семь серебряных. Чистая выгода, охотница. Подумай сама: пока нового оружия нет, этот доспех твою жизнь спасёт.

Дибби коснулась пальцами жёстких кожаных полос. Броня была грубой, но прочной. Воспоминание о том, как тяжёлое копыто вепря едва не раздавило ей грудную клетку, всё ещё было слишком свежим. Купец был прав — без защиты в Острум сойтись самоубийство. Она решительно достала кошель и отсчитала монеты.

Забрав плотный кожаный жилет, Дибби аккуратно свернула его и прижала к груди. На душе было двоякое чувство: с одной стороны, рёбра теперь будут в безопасности, но с другой — у неё по-прежнему не было оружия, а в кошеле осталось тринадцать серебряных монет. На новый хороший лук этого могло не хватить.

Она вежливо попрощалась с купцом и повернула обратно к улочкам деревни.

Когда Дибби проходила мимо высоких деревянных сараев на окраине постоянного двора, ей на секунду показалось, что из-за угла мелькнула быстрая тень. Охотничья привычка заставила её резко обернуться, но позади были лишь старые серые брёвна да колышущийся от ветра бурьян. Девушка пожала плечами, списав всё на утреннюю усталость и недосып, и пошла дальше по узкой тропинке, петляющей между заборами.

Она почти дошла до поворота к лачуге Брана, как вдруг из-за густого куста бузины наперерез ей кто-то выскочил. Столкновение вышло коротким и резким. Дибби охнула, когда чужое плечо с силой врезалось в её ушибленный бок, отозвавшись острой вспышкой боли. От неожиданности она выпустила из рук кожаный доспех.

— Под ноги смотри! — звонкий, слегка хриплый мальчишеский голос прозвучал совсем рядом.

Перед ней на долю секунды возник паренёк лет пятнадцати, худой, растрёпанный, в грязной холщовой рубаше. Его глаза лихорадочно блестели. Дибби не успела даже прийти в себя, как цепкие, неестественно быстрые пальцы мальчишки рванули шнурок кошель на её поясе. Кожаный мешочек с серебром мгновенно исчез в его кармане.

— Стой! — крикнула Дибби, бросаясь вперёд, но ворюшка уже совершил прыжок в сторону, уходя в узкий проулок между заборами.

И тут произошло странное. Парень побежал, но с каждым его шагом его силуэт начал пугающе меняться. Очертания его тела стали размываться, одежда бледнела, словно он превращался в жидкий утренний туман. Через мгновение мальчишка стал почти полупрозрачным, сливаясь с серыми досками заборов и тенями от деревьев.

Дибби замерла на секунду, тяжело дыша. Глаза слепли, теряя размытую туманную фигуру в серых переулках. Но внутри, глубоко в сознании, внезапно проснулось совсем другое чувство. Сердце больше не щемило от боли. Наоборот, дыхание замедлилось, а зрение странным образом сфокусировалось, отсекая лишний шум переулка. Воздух вокруг стал казаться удивительно осязаемым. На фоне общей сырости Дибби внезапно и отчётливо уловила чужой шлейф — едва заметный, вибрирующий след тепла, струящийся сквозь туман в сторону старой заброшенной мельницы.

Она не просто видела направление. Её чувства, проснувшиеся в режиме преследования, заставили её тело инстинктивно сгруппироваться, напрочь глуша боль в рёбрах. Этот парень бежал, уверенный, что его магия скрывает его ото всех. Но для Дибби он сейчас пах как испуганная косуля на чистом снегу.

— Из-под земли достану... — процедила сквозь зубы Дибби и рванулась в погоню, слепо доверяя этому новому, хищному чутью, ведущему её по следу.

Глава 6

Туман над деревней неохотно расступался, пропуская летящую вперед охотницу. Бежать после вчерашнего удара вепря было настоящим испытанием. С каждым толчком ноги в ушибленный бок словно втыкали тупую раскаленную спицу. Воздуха катастрофически не хватало, легкие жгло, но Дибби упрямо стискивала зубы. Годы, проведенные в тайге с отцом, научили её тело терпеть и распределять силы. Она умела держать темп, перепрыгивая через гнилые бревна и обходя раскисшие лужи по узкой кромке травы.

Капюшон плаща давно слетел. Густые темные волосы растрепались, длинные пряди налипли на влажный от пота лоб и то и дело лезли в глаза, мешая обзору. Дибби резко, на ходу смахнула их тыльной стороной ладони, не отрывая взгляда от невидимого ориентира.

Впереди, на каменистом выступе у самой реки, высилось массивное бревенчатое здание деревенской мельницы. Огромное водяное колесо внизу мерно и тяжело шурило, зачерпывая быструю воду. Сейчас, ранним утром, здесь никого не было — мукомол, как и большинство жителей, скорее всего, всё ещё торчал на площади у старосты.

Мальчишка был чертовски быстрым. Его блеклый, полупрозрачный силуэт, который Дибби видела исключительно благодаря своему обострившемуся чутью, взлетел по ступеням крыльца. Тяжелая дверь мельницы оказалась незапертой. Парень шмыгнул внутрь, и створка захлопнулась за ним. Малец явно рассчитывал, что в полумраке рабочего амбара его магия тумана сделает его абсолютно невидимым. Он не понимал, что сам загнал себя в глухой тупик — с трех сторон здание подпирала бурлящая река, а второго выхода отсюда не было.

Дибби взлетела на крыльцо и толкнула дверь, вваливаясь в прохладу мельницы.

Внутри густо пахло свежим зерном, сладковатой мучной пылью и сухим деревом. От утреннего солнца, пробивавшегося сквозь щели в ставнях, в воздухе стояла золотистая взвесь. Внизу, под половицами, глухо поскрипывали тяжелые дубовые валы. Вокруг громоздились аккуратные ряды туго набитых мешков, готовых к отправке.

На первый взгляд зал казался пустым. Но для чувств Дибби пространство выглядело иначе. Прямо у дальней стены, за высокой горой зерновых мешков, дрожал плотный, пульсирующий сгусток тепла. Мальчишка затаился там, сжимая в руке её украденный кошель.

— Выходи, — тяжело дыша, хрипло произнесла Дибби, загораживая собой единственный выход. — Я знаю, что ты там. Отдай серебро.

В ответ на её слова из-за мешков не донеслось ни звука. Слышно было лишь мерное, глухое поскрипывание дубовых валов под полом да шум воды за стеной. Воршика затаился, надеясь, что девчонка просто блефует и не сможет отыскать его в полумраке.

Дибби сделала медленный шаг вперед, не сводя взгляда с мешков. Её инстинкты чётко фиксировали дрожащий тепловой силуэт. Скрывающее парня облако тумана начало заметно редеть и идти рябью — было видно, что чужая магия держится из последних сил.

Она сделала ещё два шага, сокращая дистанцию. Шлейф её чувств сузился до размеров одной единственной мишени.

Мальчишка не выдержал психологического давления. Его скрытность окончательно лопнула: полупрозрачный морок с тихим хлопком рассеялся, и парень проявился полностью, тяжело и часто дыша. Лицо у него было бледным, испуганным, а лоб блестел от пота. Поняв, что укрытию конец, он резко оттолкнулся от стены и, словно юркая ящерица, попытался проскочить мимо Дибби к выходу.

Но охотница ждала этого рывка. Схватившись за ремни своего нового кожаного доспеха, она резко выбросила руку вперед и намертво вцепилась в ворот его грязной холщовой рубахи. Ткань с треском натянулась.

— Попался! — выдохнула Дибби.

— Пус­ти! Ай, пус­ти, бе­ше­ная! — исто­инно за­кри­чал маль­чиш­ка, тут же на­чав яростно упи­рать­ся но­га­ми в за­сы­пан­ный му­кой пол. — От­ва­ли от меня!

Он за­кру­тил­ся волч­ком, пы­таясь вы­вер­нуть­ся из её хват­ки, и с си­лой у­дарил лок­тем на­зад. У­дар при­шёл­ся пря­мо по её мно­го­стра­даль­ным рёбрам. За­щит­ные по­ло­сы но­вой ко­ж­аной брони при­ня­ли основ­ную си­лу тол­чка на себя, но Ди­би всё рав­но ослепи­ло острой вспыш­кой бо­ли. В гла­зах на мг­но­ве­ние по­тем­не­ло, паль­цы ед­ва не раз­жа­лись, но упрям­ство пе­ре­си­ли­ло — она лишь креп­че пе­ре­хва­ти­ла вор­иш­ку за пле­чи, на­ва­ли­вая­ся на него всем ве­сом и при­жи­мая к бли­же­не­му ме­шку с зер­ном.

— Ко­шель вер­ни, па­риш­вец! — про­хри­пела она ему пря­мо в ухо, тя­же­ло ды­ша от бо­ли и ус­та­ло­сти.

Парень за­мер, плот­но при­жа­тый спи­ной к ту­го­му ме­шку с зер­ном. Бе­лая му­чная пы­ль, по­тре­во­жен­ная их по­тасов­кой, мед­лен­но кру­жи­лась в зо­лотис­тых лу­чах ут­рен­не­го све­та, осе­дая на его рас­тре­пан­ных во­ло­сах и пле­чах Ди­би. С­ни­зу, из-под по­ла, до­но­сился тя­же­лый, мер­ный гул во­дя­но­го ко­ле­са и глу­хой стук ду­бо­вых ва­лов, ко­то­рый за­глу­шал их тя­же­лое ды­ха­ние.

— От­пус­ти, — ск­во­зь зу­бы про­це­дил чу­жак. Его го­лос не был де­тским — в нём слы­шалась хри­п­лая, злая и очень ус­та­лая ин­то­на­ция вз­рос­ло­го пар­ня, хо­тя ро­стом он ед­ва ли пе­ре­рос са­му Ди­би. — Слы­шишь, де­в­ка? Ру­ки убрала. На, за­би­рай, по­да­вись!

Он резко раз­жа­л паль­цы. Ко­ж­аный ко­шель с тихим, тя­же­лым звя­каньем упал на за­сы­пан­ные му­кой по­ло­ви­цы пря­мо ме­жду ни­ми. Ди­би да­же не по­смот­рела вниз. Она про­дол­жала креп­ко у­дер­жи­вать его за ворот гру­бой ру­ба­хи, чув­ствуя паль­ца­ми, как под тон­кой тка­нью ли­хо­ра­доч­но, как у пой­ман­ной пти­цы, бьётся жи­лка на его ше­е.

— Как ты это сде­лал? — глу­хо спро­сила она, в­гля­ды­вая­ся в его блед­ное ли­цо. — Там, в пе­ре­ул­ке. Ты ведь поч­ти ис­чез. Стал как... как дым ут­рен­ний.

Парень резко дер­нул­ся, по­пы­та­вшись вы­кру­тить­ся из её хват­ки, но Ди­би дер­жала креп­ко, на­мерт­во за­фик­сиро­вав его пле­чи у ме­шка. В его гла­зах, по­ми­мо зло­сти, мельк­нул ди­кий, за­тра­вен­ный страх. Он испуган­но по­ко­сился на тя­же­лую вхо­дную дверь мель­ни­цы, словно про­ве­ряя, не за­пер­та ли она.

— Тебе по­ка­зало­сь, — бурк­нул он, от­во­дя вз­гляд в сто­ро­ну тем­ных де­ре­вян­ных жер­но­вов. — Ту­ман на у­лице, вот и всё. Ни­че­го я не де­лал. От­ва­ли от меня, по­ка я тебе вто­рое реб­ро не по­счи­тал.

— Не ври мне, — Ди­би слег­ка встрях­нула его, за­ставив сно­ва по­смот­реть на себя. — Обыч­ный че­ло­век тебя там, у за­бо­ров, по­те­рял бы. Но я не гла­за­ми тебя ис­кала. Я чув­ство­вала твой тёп­лый след.

Парень за­мер, пе­ре­став вы­ры­вать­ся. Он пря­мо по­смот­рел на её ис­ца­ра­пан­ное ли­цо. Вся его на­глая уве­рен­ность окон­ча­тель­но ис­па­ри­лась, ус­ту­пив место пол­ней­ше­му недо­умению.

— Ты... ты ви­дела меня, ко­гда я ушёл в тень? — тихо, поч­ти шё­потом пе­ре­спро­сил он. — Быть не мож­ет. Старик го­во­рил, что от этого мо­ро­ка за­щиты нет, если толь­ко... Ты кто во­обще та­кая?

— Я мест­ная, — от­ре­зала де­вуш­ка, чув­ствуя, как её соб­ствен­ное хищ­ное чутьё по­сте­пен­но у­гаса­ет, воз­вра­щая ми­ру обыч­ные крас­ки. — А вот тебя я в на­шей де­рев­не ни раз­у не ви­дела. Как тебя зо­вут? И что ты тут за­был? Чу­жа­ков у нас сразу за­ме­чают.

Парень криво ус­мех­нулся, но в этой ус­меш­ке не было ра­до­сти. Толь­ко го­речь.

— Ка­кая тебе раз­ни­ца, как меня зо­вут? — огрыз­нулся он, по­пы­та­вшись сплюн­уть на пол, но губы у него пе­ре­сох­ли от жа­жды. — Сдай меня стар­о­сте, если так че­и­е­тся. По­лу­чишь свою на­гра­ду — па­ру мед­ных гро­шей. Мне уже всё рав­но.

Ди­би вни­ма­тель­но в­смот­релась в его ли­цо. Те­перь, ко­гда ма­гия ту­мана пол­ностью рас­се­ялась, она за­ме­тила то, че­го не ви­дела в по­гоне. Под гла­за­ми чу­жа­ка за­ле­гли глу­бо­кие чер­ные тени. Ко­жа на ску­лах об­тя­гивала ко­сти так си­льно, бу­д­то он не ел нор­маль­но уже не­де­лю.

Ворот его рубахи был засален и порван, а на запястье, которое он пытался спрятать за спину, виднелся старый, багровый след от тугой веревки. Это не был вольный, зажравшийся городской карманник.

— Никого я звать не собираюсь, — тихо сказала Дибби, медленно разжимая пальцы и отпуская его ворот. — Если бы хотела сдать, кричала бы еще на улице. Твой морок... туман этот. Ты ведь едва на ногах стоишь. Тебя трясет.

Чужак недоверчиво потер шею, свободной рукой аккуратно поправив воротник. Он медленно опустился прямо на пол, прислонившись спиной к мешку с зерном, и обхватил колени руками. Его колючий, волчий взгляд стал тусклым.

— Кир меня зовут, — неохотно процедил он, уставившись на упавший кошель. — Из Айвика я. Был оттуда, пока три ночи назад к нам банда не нагрянула. Настоящее отребье с больших дорог. Они всю деревню подчистую сожгли, мужиков поубивали... Никого у меня не осталось, кроме...

Парень судорожно сглотнул, но тут же взял себя в руки, ожесточенно шмыгнув носом.

— Я бежал лесами через старые вырубки. Да только эти твари меня там и перехватили. Беглые каторжники, дезертиры... Всякий сброд. Заправляет ими дед хромой, Хаккон его кличут. Они меня поймали, и я со страху прямо у них на глазах в тумане растворился. Хаккон как это увидел — так аж затрясся от радости. Понял, какую ищейку и вора себе в лапы заполучил.

Кир поднял голову, взглянув на Дибби, и в его глазах проступила настоящая, глубокая безысходность.

— Этот старый хрен держит у себя мою младшую сестру, Энни. Ей всего десять. Он сказал: «Будешь на меня работать, малек. С твоим даром мы все лавки на тракте обчистим. А если вздумаешь сбежать или спрятаться в своем дыму — девчонке конец». Теперь они меня в соседние деревни посылают, высматривать, где что плохо лежит, да карманы чистить. А эта магия... туман этот... он как вошь голодная. Стоит мне скрыться хоть на минуту, как внутри всё пустеет, жрать хочется так, что зубы крошатся. Я у повозки твое серебро увидел, думал, выкуплю Энни у этого разбойника, и мы уедем подальше, к югу, к столице... А теперь... теперь ты меня поймала.

Дибби медленно опустила взгляд на засыпанный мукой пол. Кожаный кошель лежал между ними, тускло отблескивая медными люверсами. Она присела на корточки, подобрала мешочек с серебром и привычным движением затянула шнурок на поясе. Тринадцать серебряных монет снова были при ней, но радости это не принесло. Купить лук у купца не вышло, а чаща за рекой оказалась куда опаснее, чем она думала.

Она посмотрела на Кира. Парень сидел, сжавшись у мешка с овсом, и обреченно ждал решения. Он даже не пытался дергаться, понимая, что его истощенное тело больше не выдаст ни капли магии.

— Старосте я тебя не сдам, — тихо произнесла Дибби, расправляя плечи. — Но и серебро свое не отдам. Оно мне самой нужно. Мне лук отцовский вчера вепрь расколол, я в лес без оружия выйти не могу.

Кир горько усмехнулся, не поднимая головы:

— Ну и катись тогда к своему купцу... Чего расселась? Иди, сдавай меня, раз монеты дороже.

— Ты не дослушал, — оборвала его Дибби. В её глазах мелькнул жесткий, чисто охотничий огонек. — Твой Хаккон держит Энни на старых вырубках. Это в чащобе, за рекой. Я знаю те места. И ты говоришь, у них там полно барахла, которое они с тракта тащат?

Парень настороженно поднял на неё глаза, непонимающе нахмурившись:

— Ну. Целый склад в палатках. И оружие есть. Охотников грабили, патрули стороной обходили... А тебе-то что?

Дибби подошла ближе и протянула ему руку, помогая подняться с холодного пола:

— У разбойников точно есть хорошие луки. Наверняка найдется такой, который будет получше моего, вернее того, что от него осталось. Раз они тебя не видят, ты проберешься в их лагерь, найдешь этот лук и вынесешь его мне. А я помогу тебе вытащить Энни.

Кир ошеломленно уставился на её ладонь, ловя ртом воздух. Белая мучная пыль кружилась между ними, оседая на жесткой коже её нового доспеха.

— Ты... ты серьезно? — хрипло переспросил он, и в его голосе впервые проснулась робкая, отчаянная надежда. — Пойдешь против целой банды? Из-за лука?

— Из-за лука, — твердо повторила Дибби. — И из-за Энни. Хватит им хозяйничать у нашего дома. Но сначала мы пойдем к дедушке Брану. Твоя способность скрываться сожрала все силы, которых, видимо, и так было немного, тебя шатает. Дед тебя накормит, а ночью мы выступим.

Кир секунду колебался, а затем крепко пожал её руку. Сделка была заключена.

Глава 7

Сквозь тяжелые дубовые створки мельничных дверей донеслись приглушенные голоса. В деревне просыпались рано. Первые телеги, груженные зерном, уже поскрипывали по наезженному тракту, и люди направлялись сюда, к мукомолу. Посторонним здесь ловить было нечего.

— Уходим, живо, — шепнула Дибби, увлекая Кира за собой к неприметному боковому выходу у водяного колеса.

Когда они скользнули на улицу, утреннее солнце уже вовсе разогнало остатки ночного тумана. Воздух был удивительно чистым и прохладным, наперебой пахло сырой землей, прибитой росой крапивой и горьковатым ольховым листом. Река рядом шумела особенно громко, обдавая лицо водяной моросью.

Они двинулись низиной, прячась за раскидистыми кустами дикой малины, в сторону дома Брана. Дибби шла быстро, то и дело оглядываясь на бредущего следом парня.

У деревянного крыльца лачуги она велела Киру замереть за углами, у поленницы.

— Стой здесь и не высовывайся, — бросила она.

Дибби тихо толкнула дверь и вошла. Дед Бран сидел у стола, перебирая сушеные коренья, и, судя по его нахмуренному лицу, уже давно ждался внучку. Едва щелкнула щеколда, из-под лавки серым пушистым вихрем вылетел Сайгар. Котенок успел соскучиться по хозяйке. Сай с тихим утробным урчанием бросился к её ногам, принялся тереться о жесткие кожаные сапоги и преданно заглядывать в глаза.

— Ну наконец-то, — проворчал Бран, не поднимая головы. — Где лук?

Дибби наклонилась, быстро погладила Сая за ушком, чувствуя его мягкую шерстку, и замялась:

— Лук... там такая история, дед. Купец заломил цену. В общем, пока не купила.

Она попыталась аккуратно загородить собой дверной проем, надеясь потом вынести Киру еду в сени, но старого травника было не обмануть. Бран прищурился, посмотрел мимо внучки на полуоткрытую створку, за которой мелькнула чужая тень, и его густые седые брови поползли вверх.

— А ну, кто там у тебя за спиной прячется? — строго спросил старик, опираясь руками о стол. — Дибби, ты кого к дому притащила?

Ей пришлось неохотно сделать шаг в сторону и придумывать ложь на ходу:

— Да так... встретила у мельницы. Беженец какой-то. Голодный, едва на ногах стоит. Подумала, у нас ведь похлебка осталась...

— Беженец? — Бран нахмурился еще сильнее. — Так чего он у нашей поленницы жметя, как сын? Заходи давай, раз пришел.

Кир медленно переступил порог. Вид у него был затравленный: грязная рубаха, лицо в мучной пыли. Он настороженно поглядывал на Сая, который тут же выгнул спину дугой при виде незнакомца.

— Ты глянь на него, — покачал головой Бран, оглядывая парня с ног до головы. — В муке извалялся, бледный, руки дрожат. Из каких краев будешь, малец?

Кир покосился на Дибби, не зная, что говорить, и угрюмо буркнул:

— Из Айвика я. Кир.

— Из Айвика? — старик потер подбородок. — Далековато тебя занесло. И что, в Айвике нынче мода такая — в чужих амбарах валяться? А? Кир. — Бран осекся на полуслове. Его лицо резко изменилось. Ворчливая строгость вмиг сошла, уступив место тяжелому, пугающему оцепенению. В глазах старого травника промелькнула тень воспоминания — вчерашний слух, принесенный патрульными на тракт. Айвик сожгли. Сожгли подчистую три ночи назад.

Старик молча всматривался в исхудавшее, испачканное мукой лицо семнадцатилетнего парня. Бран понял всё. Перед ним стоял тот, кто чудом выжил в этой резне. Но старик и близко не догадывался, что проклятая банда Хаккона, уничтожившая Айвик, прямо сейчас окопалась на их старых вырубках, всего в нескольких верстах от их собственной деревни.

Дибби замерла, поймав этот тяжёлый взгляд деда. Она видела, что он всё понял про Айвик, но упрямо продолжала молчать о Хакконе и маленькой Энни. Охотница должна была решить это сама.

Бран тяжело, со свистом выдохнул, опустив плечи, и указал костяным ножом на широкую дубовую скамью у печи:

— Ладно... Садись к печи, парень. Дибби, подай ему кашу с мясом. Поесть ему надо. Видимо, набегался по лесам, совсем ослаб, вот его и шатает.

Кир молча опустился на край скамьи, все еще косясь на котенка. Сайгар, почуяв, что хозяева спокойны, потихоньку расслабился, подошел ближе и робко понюхал обсыпанный мукой сапог парня.

— Спасибо, — глухо процедил Кир, принимая от Дибби глиняную миску с горячей кашей.

Кир жадно, обжигаясь, хлебал горячее варево. Глиняная ложка мерно стучала о края миски. Дед Бран, стараясь не смущать парня пристальным вниманием, вернулся к столу и преувеличенно громко зашуршал сухими листьями ромашки, хотя его взгляд то и дело возвращался к согнутой спине чужака. В избе пахло сытным мясным паром и горьким дымком.

Сайгар тем временем окончательно освоился. Поняв, что от обсыпанного мукой гостя опасности нет, он вдруг замер, уставившись на завязку доспеха Дибби, которая покачивалась у самой земли. Круглые голубые глаза котёнка расширились, зрачки превратились в две огромные чёрные монеты, а задние лапы начали мелко и утомительно перебирать по полу.

— Это... барс, что ли? — глухо спросил Кир, не отрываясь от миски. — Настоящий? На юге континента про таких только сказки рассказывают. Говорят, они в горах Острума людей заживо жрут.

— Наш Сай никого не жрёт, — улыбнулась Дибби, присаживаясь на край скамьи. — Он ещё маленький. Я нашла его в лесу после налёта вепрей. Он сирота. Как...

Она осеклась, едва не сболтнув лишнего, но Кир, увлечённый кашей, кажется, не заметил заминки.

В эту секунду завязка на жилете Дибби качнулась сильнее. Сай не выдержал. Издав короткий, восторженный «мявк», он пружинной взвился в воздух, пролетел добрый метр и вцепился передними лапами в кожаный ремешок. Хватка сорвалась. Потеряв равновесие, пушистый комок кубарем покатился по полу, врезался боком в плетёную корзину с пустой берестой и, перепугавшись собственного шума, устроил самый настоящий погром.

Кота словно подменили. Мальчи Сайгар врубил бешеное ускорение. С диким пробуксовыванием лап по гладким половицам он взлетел на сундук, оттуда коршуном прыгнул на широкую скамью, едва не перевернув банку со снадобьями Брана, и пулей унёсся в тёмный угол за печью. Через секунду оттуда показалась его взъерошенная серая морда с шальными глазами, после чего барс снова сорвался с места, боком нарезая круги по комнате.

Дибби не выдержала. Напряжение последних суток, страх за серебро, погоня, боль в рёбрах — всё это вдруг выплеснулось наружу громким, залиvistым смехом. Она закрыла лицо ладонями, плечи её подрагивали, а сквозь пальцы прорывался чистый, девчоночий хохот, какого Бран не слышал от неё с самого исчезновения отца.

— Сай, прекрати! А ну тихо, глупый! — сквозь смех выдавила она, пытаясь поймать пролетающий мимо серый вихрь.

Кир замер с поднятой ложкой. На его бледном лице, испачканном мукой, впервые за всё время проступило подобие растерянной, но тёплой улыбки. Парень удивлённо переводил взгляд с безумного котёнка на смеющуюся охотницу, и его плечи наконец перестали судорожно под-

жиматься к ушам. Тяжёлая тень Айвика на мгновение отступила, уступая место обычному утру в тёплом деревенском доме.

Дед Бран тихонько хмыкнул в усы, качая головой. Старик подошёл к очагу, взял пустой чугунок и, хитро прищурившись, посмотрел на внучку:

— Расшумелись, кошацье племя... Пойду-ка я к колодцу, воды свежей наберу. А вы тут присмотрите за домом. И чтоб без прыжков на стол, ясно тебе, Сай?

Потом Бран остановился, обернулся, смерил Кира долгим, критическим взглядом и поморщился, забавно подергав густыми седыми бровями.

— Вот что, вояка, — Бран постучал костяным ножом по деревянному косяку. — Кашу ты съел, утробу порадовал. Теперь марш в сени, там кадка со свежей водой и чистая ветошь. Смой с себя эту муку да грязь лесную. Разит от тебя как от старого барсука. У меня в избе порядок быть должен, ясно?

Кир от неожиданности аж поперхнулся последней ложкой. На его бледных щеках сквозь слой белой пыли проступил густой румянец.

— Эм! Что? — закашлялся он, поспешно вытирая рот рукавом грязной рубахи. — Да нормальный от меня запах! Чего сразу барсук-то?

— А ну без дерзостей мне тут! — шутливо пригрозил дед чугуном. — Смой грязь, говорю. Дибь, выдай ему старую холицовую рубаху из сундука, она ему как раз впору будет.

Дверь за стариком со скрипом захлопнулась. Под лавкой тут же раздалось короткое, обиженное «Мр-рук!». Сайгар, решив, что последнее предупреждение деда было несправедливым, сердито фыркнул и закопался носом в Дибьины сапоги.

Дибь снова тихонько прыснула в кулак, глядя на взъерошенного, недовольного Кира. Она поднялась, собираясь пойти к сундуку за сменной одеждой, но стоило ей сделать резкое движение, как ушибленный бок снова пронзила резкая, горячая боль.

— Ойх!.. Кхы-ы... — глухо выдохнула охотница, мгновенно согнувшись пополам и хватаясь рукой за жесткие кожаные полосы нового жилета. В глазах на секунду потемнело.

— Эй, ты чего? — Кир резко подскочил со скамьи, едва не перевернув пустую миску. Весь его колючий вид вмиг испарился, уступив место настоящему испугу. — Сильно прилетело?

— Нормально... — Дибь медленно, со свистом выдохнула сквозь зубы, постепенно выпрямляясь. — Еловый корень... Вчера вепрь на полной скорости в бок впечатал. Жилет-то я сегодня купила, да только рёбра под ним всё равно отбиты [INDEX]. Двигаться больно.

Парень сочувственно покачал головой, переводя взгляд с её зажато бока на закрытую дверь сеней.

— Ну ты и бешеная, — тихо, но уже без прежней злости пробормотал он, шмыгнув носом. — С такими ранами за мной по всей деревне ломиться... Ладно. Давай сюда свою рубаху. Пойду я... смою муку, раз твой дед такой чистоплотный. А то ещё выставит за порог.

Кир забрал холицовую рубаху отцовского размера, которая оказалась ему слегка великовата в плечах, и скрылся за дверью сеней. Вскоре оттуда донесся гулкий плеск холодной воды из кадки и его приглушенное, прерывистое «Бр-р-р! Ну и ледяная!».

Дибь осторожно, стараясь лишний раз не тревожить ноющий бок, опустилась на лавку и прислонилась головой к бревенчатой стене. Усталость навалилась на неё свинцовой плитой. Бессонная ночь в тайге, встреча с неведомой силой, покупка брони, бешеная погоня на грани сил — её тело буквально молило о покое. Охотница отчетливо понимала: соваться на вырубку к Хаккону прямо сейчас, когда солнце стоит в зените, а в груди при каждом глубоком вздохе колет раскаленная игла, — чистое безумие.

— Нужно поспать, — тихо прошептала она самой себе. — Хотя бы до вечера. В сумерках будет проще.

Сайгар, словно почувствовав смену её настроения, запрыгнул на скамью, мягко ступая лапами. Он издал короткое, ласковое «Мр-ря?» и свернулся клубочком у неё под боком, делясь

своим живым, пушистым теплом. Дибби прикрыла глаза, проваливаясь в тяжёлый, чуткий сон без сновидений.

...Когда она открыла глаза, в маленькое оконце лачуги уже вовсю заползли багрово-серые вечерние тени. В избе было тихо. Дед Бран тихонько посапывал на печи, утомлённый дневными заботами. Кир, уже чистый, в рубаше с подвернутыми рукавами, сидел на полу в углу, сосредоточенно поглаживая Сая за ухом. Котёнок довольно щурился, вытянувшись во весь рост, и тихонько тарахтел на всю комнату.

Дибби аккуратно поднялась. Рёбра всё ещё саднили, но тупая, изнуряющая боль утихла, сменившись терпимым онемением. Время пришло.

Она молча переглянулась с Киrom. Парень мгновенно всё понял без слов — его волчий, настороженный взгляд снова стал собранным. Он аккуратно убрал руку от кота и поднялся.

Дибби подошла к верстаку, где на деревянной стойке покоились её охотничьи приспособления. Лук был сломан, но её верный, проверенный временем нож в тяжёлых кожаных ножнах был на месте. Она перехватила ремень, привычным, до автоматизма отработанным движением закрепила его на поясе, прямо поверх новой брони, и проверила, легко ли клинок выходит из гнезда. Тихое, хищное звяканье стали отозвалось в груди приятным холодком.

— Сай, ко мне, — едва слышно позвала она и похлопала себя по ноге.

Маленький барс мгновенно подобрался и без лишних звуков замер у её левой ноги, преданно задрал мордочку. Дибби мягко толкнула входную дверь, стараясь не скрипеть петлями.

Прохладный вечерний воздух деревни сразу ударил в лицо. Деревня постепенно погружалась в сизые сумерки, из редких окошек загорались лучины, а со стороны недалекого леса уже потихоньку напал первый, едва заметный ночной туман. Идеальное время для двух подростков, у которых появились свои опасные секреты.

— Ну что, проводник, — Дибби повернулась к Киру, поглубже натягивая капюшон плаща. — Веди к своим вырубкам. Посмотрим, что за луки прячет твой Хаккон.

Кир молча кивнул, его фигура в наступающих сумерках на мгновение пошла легкой, едва заметной дымчатой рябью, и они вместе бесшумно скользнули за поленницу, направляясь в сторону темнеющей лесной стены.

Глава 8

Лес встретил их оглушительной ночной тишиной. Каждый шаг по палой хвое казался предательски громким, заставляя замирать и прислушиваться к шорохам чащи. Сумерки сгустились мгновенно, превращая знакомые Дибби с детства силуэты деревьев в уродливые, горбатые тени. Обещанный ночной туман не заставил себя ждать — он выползал из низин равными белёсыми полосами, приятно холодил лицо и пах прелой листвой, сыростью и близкой большой рекой.

Кир двигался чуть впереди, но его постоянно косило в сторону. Было видно, что парень напуган до чёртиков. Стоило где-то в вышине глухо ухнуть ночной птице, как он испуганно вздрагивал и едва не падал, путаясь в полах чуть великоватой рубахи.

— Пф-ф-ф! — вдруг выдал Сайгар, резко застыв на месте и вздыбив шерсть на загривке.

Маленький барс уставился в темноту между двух старых корявых елей и грозно, по-змеиному зашипел, защищая хозяйку.

— Тихо, Сай... Назад, — Дибби мгновенно опустилась на одно колено, придерживая котёнка ладонью за тёплую, подрагивающую спину.

Правый бок тут же отозвался знакомым тупым «ойхом», заставив её до боли прикусить губу. Охотничье чутье, обострившееся после странных ночных событий в тайге, тут же подсказало: там, впереди, никого опасного нет. Обычный старый пенёк, обросший мхом, показался мелкому хищнику чудовищем.

— Да ёп! — Кир от неожиданности подпрыгнул на месте, едва не налетев спиной на раскидистые еловые ветки. — Вы чего пугаете? У меня чуть сердце через горло не выскочило! Шлепаете как призраки!

— Под ноги смотри, призрак, — шёпотом огрызнулась Дибби, медленно поднимаясь и поправляя ножны. — Дальше тропа пойдёт круто вниз, к старому ручью. За ним как раз и начинаются эти вырубки. Хаккон выставил там дозоры?

Кир судорожно сглотнул, оглядываясь на наползающий туман. Его пальцы заметно дрожали.

— К-конечно выставил, — заикаясь от страха, прошептал парень. — У поваленного моста через ручей всегда двое дежурят. С факелом сидят в шалаше, рожки свои греют, кашу трескают. Обычный человек мимо них ни за что не проскочит... Но я проскочу. Туман уже густой, самое время для моего дела.

Дибби внимательно посмотрела на него. В серых сумерках его худощавое лицо казалось совсем бледным.

— Сможешь уйти в скрытность? Силы есть? — тихо спросила она, проверяя, легко ли клинок выходит из гнезда.

— Нет, — Кир резко мотнул головой, хватая Дибби за локоть. Его пальцы дрожали, но взгляд был твердым. — В скрытность я сейчас не пойду. Силы пригодятся там, в лагере. Эти двое у моста меня знают. Если я приду один и без добычи, они меня изобьют. Пошли прямо так. Сделаем вид, что я поймал тебя в лесу.

Дибби на секунду замерла, оценивая риск. Конечно, план был безумным, но в нем была логика. Она поудобнее перехватила рукоять охотничьего ножа, спрятанного в складках плаща, и коротко кивнула:

— Ладно. Сай, назад. Сидеть тихо, — едва слышно командовала она котенку. Маленький барс просто смотрел на нее. — Да назад же! — Дибби махнула рукой в сторону. Барс постоял и нехотя скользнул в густую траву у старой ракиты, превратившись в незаметный серый комок.

Они вышли из лесной тени и направились прямоком к поваленному мосту. Желтый свет факела, закрепленного на шалаше, резал набегающий туман. Двое разбойников сидели на бревнах у костра. Один, постарше, с гнилыми зубами и шрамом на подбородке, помещивал варево в котелке. Второй, молодой и прыщавый, точил ржавый тесак.

При звуке шагов оба мгновенно вскинули головы. Прыщавый ухватился за оружие, но, разглядев Кира, расслабился и сплюнул в костер.

— Опача, глянь-ка, малек вернулся! — загоготал гнилозубый, поднимаясь на ноги. — Живой, пустота его дери. Хаккон уже думал, что ты в лесу сдох или сбежал. Ну чё, принес серебришко?..

Договорить он не успел. Его взгляд переместился за спину Кира, на фигуру Дибби в капюшоне. Разбойники переглянулись, и на их грязных рожах расплылись мерзкие, сальные улыбки. Бояться девчонки в приграничном лесу им и в голову не пришло.

— Ого... Да тут у нас маленькая красотка! — прыщавый резво поднялся, облизывая пересохшие губы. — Хаккон, конечно, ждал монеты, но за такую добычу точно подзатыльник не даст.

Бандиты подошли вплотную, обдавая Дибби кислым запахом пота и дешевого лукового варева. Гнилозубый бесцеремонно протянул грязную ручищу, собираясь сорвать с неё капюшон.

— А что тут у нас делает такая малышка? — приторно-ласковым, вызывающим тошноту голосом заговорил он, наклоняясь к её лицу. — Одна в ночной чаще... А где твои мама с папой, а?

Слово «папа» ударило Дибби наотмашь. Внутри, в самой глубине груди, мгновенно поднялась волна бешеного отвращения и ярости. Они посмели вспомнить про самое родное. Про отца, которого она потеряла. Мать то она не знала. Папа говорил, что она умерла, как только родила, и ему вместе с одной бабкой, которой уже давно нет, пришлось растить дочь.

Мир вокруг словно замедлился. Дибби не стала кричать или сомневаться. Всё произошло моментально, на чистых охотничьих инстинктах.

Левой рукой она наотмашь, с силой впечатала в лицо гнилозубого, намертво зажимая ему рот и нос ладонью, а правой — выхватила нож. Сталь свистнула в полумраке. Одним жестким, точным движением Дибби снизу вверх вогнала широкий охотничий клинок разбойнику прямо в горло. Две руки сработали синхронно.

У бандита дико, до предела расширились глаза. Он попытался закричать, выдать хоть какой-то звук, но из-под её ладони донеслось лишь глухое, булькающее похрипывание.

Второй разбойник опешил. Его мозг просто отказывался понимать, как деревенская девка за секунду зарезала его матерого кореша. Он судорожно открыл рот, собираясь заорать на весь лес и поднять лагерь, но Кир сработал безупречно. Поняв, что медлить нельзя, парень бросился прыщавому прямо в ноги, увлекая его за собой на сырую землю.

— Не смей орать, гниль! — прорычал Кир, наваливаясь на него всем весом и пытаясь перехватить руку с тесаком.

Бандит яростно упирался, пачкаясь в глине, но тут над ними выросла тень Дибби. На её щеке горела чужая теплая кровь, а взгляд был абсолютно пустым и холодным. Охотница занесла нож и со всего маху, без капли жалости, всадила клинок второму разбойнику прямо в сердце.

Тело прыщавого под Киrom дернулось в последний раз, обмякло и затихло. В лесу снова воцарилась тишина, нарушаемая только глухим шумом ручья.

Они оттащили тяжелые, обмякшие тела разбойников в густые заросли прибрежной крапивы. Дибби на ходу вытерла окровавленный клинок о траву и вернула нож в ножны. Её руки не дрожали, но сердце в груди колотилось как безумное.

Они бесшумно миновали полосу темного ельника и затаились за поваленным стволом старой сосны. Впереди открывался вид на старые вырубки. Лагерь Хаккона расположился на просторной прогалине, окруженной черной стеной леса. Дибби прижалась к коре дерева, которая еще таила небольшой кусочек дневного тепла. Лес для неё всё-таки был вторым домом.

Сейчас её зрение работало безупречно. В полумраке она четко разглядела силуэты палаток и сваленные в кучу у костра сундуки, тюки и бочки — награбленные трофеи с тракта. Возле затухающего огня дремали бандиты. Из самой крупной палатки доносился тяжёлый, раскатистый храп.

— Жди здесь, — одними губами шепнул Кир. — Я за луком.

Парень сделал глубокий вдох, закрыл глаза и ушел в скрытность. Сизый туман окутал его, и через секунду перед Дибби осталась лишь пустая трава. Охотница затаила дыхание, вглядываясь в скопление трофеев.

Несколько минут тянулись как вечность. Дибби видела лишь слабое, размытое тепловое колебание воздуха, перемещавшееся между сундуками. Вдруг из темноты донесся отчетливый, сухой стук — Кир, копаясь в куче чужого оружия, задел плечом связку тяжёлых железных секир. Звук показался Дибби оглушительным. Один из спящих у костра разбойников беспокойно заворочался и что-то пробормотал во сне. Сердце Дибби пропустило удар, пальцы судорожно сжались на рукоятки ножа, а правый бок мгновенно отозвался тупым, горячим «ойхом» от страшного напряжения. Но бандит перевернулся на другой бок и снова захрапел. Обошлось.

Воздух рядом снова пошел рябью, и из тумана соткался Кир. В его руках был потрясающий, длинный лук из ясеня, усиленный роговыми пластинами — он был на голову лучше её старого, сломанного оружия. Да, это то, что ей нужно. Этот лук упругий, прочный и хорошо держит форму.

— Прозрачная балда, у меня чуть сердце не встало, пока ты там гремел, — выдохнула Дибби, принимая драгоценный трофей. Она ласково провела пальцами по идеальной тетиве. — Так, ладно... Стоп. А стрелы?

Кир ошеломленно округлил глаза. Его бледное лицо вытянулось.

— Твою ж ёп... — одними губами выругался парень, хватаясь за голову. — Мы же стрелы не взяли!

— Иди назад, — жестко шепнула Дибби, перехватывая лук. — Без стрел эта палка бесполезна. И не шуми больше!

Парень снова растворился в дымке. На этот раз удача отвернулась от них. Скрытность Кира из-за дикой усталости и паники дала сбой прямо посреди лагеря. Пытаясь нащупать кожаный колчан, он с грохотом перевернул тяжёлый деревянный ящик с коваными углами. Звук разорвал ночную тишину.

— Тревога! Вор в лагере! — истошно заорал один из бандитов, мгновенно подпрыгивая с земли. — А ну лови его! Костры раздувайте!

Лагерь взорвался криками. Бандиты выскакивали из палаток, хватаясь за топоры и факелы. Вспыхнувший свет костра начал безжалостно резать туман, выбивая Кира из его скрытности. Парень, тяжело дыша, рванул назад к сосне, сжимая в руке колчан. Из его груди вырвался отчаянный, дикий крик:

— Дибби, лови!

Он со всего маху швырнул колчан вперед, и Дибби перехватила его на лету. В ту же секунду Кир на бегу резко развернулся к ней:

— Нож дай! Твой охотничий нож! Я за Энни, она в шалаше у палатки главаря!

Дибби моментально выхватила клинок из ножен и бросила его Киру. Кир поймал брошенный нож за рукоять, развернулся и бросился к шалашу, где за досками испуганно кричала

десятилетняя Энни. Но дорогу ему преградила гигантская тень. Из главной палатки, на ходу затягивая ремень с тяжелой кованой пряжкой, вывалился сам Хаккон. Огромный, свирепый, с густой спутанной бородой и уродливым ирамом через всю щеку. В его правой руке тускло отблескивала широкая секира на длинном топорище.

— Ах ты мелкая гнида! — взревел главарь, разглядев Кира в свете разгорающегося костра. — Решил мою добычу увести? Я ж тебе хребет ломать по кусочкам буду!

Хаккон шагнул вперед и с глухим коротким замахом обрушил секиру сверху вниз. Кир в самый последний момент успел прыгнуть в сторону, распластавшись на сырой траве. Тяжелое лезвие с мерзким хрустом вошло глубоко в землю прямо там, где секунду назад были его ноги. Земля взметнулась фонтаном.

— Тво... ж... — выкрикнул Кир, перекатываясь через плечо. Он вскочил на ноги, тяжело дыша, и поудобнее перехватил охотничий нож. Рукав рубахи уже был распорот, на предплечье сочилась первая кровь.

В этот момент два бандита покрупнее, видимо приближенные Хаккона, попытались обойти парня сбоку, чтобы зажать в кольцо. Но Дибби с позиции у сосны контролировала поле боя. Свист! Первая стрела насквозь пробила горло одному из нападавших. Бандит захлебнулся криком и повалился в костер, поднимая тучу искр. Свист! Вторая стрела вошла точно под лопатку второму, заставив его рухнуть носом в грязь.

— Тварь! Откуда стреляют?! — заорал Хаккон, но взгляда с Кира не свел. Он резко дернул секиру из земли и сделал обманный выпад. — Чё ты сделаешь этим обрубок, щегол? Твоя девка всех не перещелкает!

— Я сделаю то, что должен был сделать еще в Айвике, мразь! — прорычал Кир. Страх пропал, уступив место глухой, бешеной ярости парня, у которого отобрали всё.

Он ринулся вперед, пытаясь под нырком сократить дистанцию и достать ножом до живота гиганта. Но Хаккон был слишком опытным бойцом. Он перехватил секиру двумя руками и наотмашь ударил обухом. Удар пришелся Киру прямо в ключицу. Раздался отчетливый, страшный хруст ломающейся кости. Парень охнул и отлетел назад на три шага рухнув на спину. В глазах у него поплыли кровавые круги, левая рука мгновенно плетью повисла вдоль тела.

— Кир! — отчаянно закричала Дибби со своего укрытия, накладывая на тетиву новую стрелу. От собственного крика ее, не зажившие до конца раны, обожгло адской болью, но она не опустила лук.

Хаккон медленно, тяжело ступая сапогами по грязи, подходил к лежащему подростку. Он занес секиру над головой для финального удара.

— Молись своему туману, щенок, — осклабился главарь, утирая пот со лба. — Твоя девка следующая.

Преодолевая дикую, парализующую боль в сломанной ключице, Кир зубами ухватил воротник рубахи, чтобы не потерять сознание. Правой, уцелевшей рукой он всё еще намертво сжимал нож Дибби. Когда тень Хаккона накрыла его, парень резко, из последних сил выкинул ноги вперед, нанося хлесткий удар грязным сапогом прямо по коленной чашечке гиганта.

Сустав Хаккона с влажным треском вывернулся в обратную сторону. Главарь взвыл от неожиданной боли и рухнул на одно колено, теряя равновесие. Секира выпала из его пальцев.

Это был единственный шанс. Кир, хрипя от боли, рванулся вперед всем телом, наваливаясь на падающего бандита сверху. Правая рука с охотничьим ножом взметнулась в воздух и со всего маху, по самую рукоять, погрузилась в основание шеи Хаккона, прямо над ключицей.

Главарь замер. Его огромные руки судорожно схватили Кира за плечи, пальцы до синяков впились в ткань рубахи, но сила быстро покидала его тело. Глаза Хаккона остекленели, изо рта хлынула темная кровь, и он тяжело повалился боком на окровавленную траву, увлекая парня за собой.

— Энни... — прохрипел Кир, утыкаясь лицом в землю рядом с мертвым врагом. Сил подняться самостоятельно у него больше не было.

У Дибби почему то в колчане оставалась всего одна, последняя стрела. Видимо, часть стрел не долетела с колчаном, либо их просто не было. Пальцы на тетиве дрожали от изнеможения, правый бок горел огнем. Кольцо врагов сжималось. Их лица, испачканные грязью и кровью, перекосила глухая, животная злоба. Они видели, что девочка осталась одна, а воршишка Кир неподвижно лежит у тела Хаккона.

— Ну всё, тварь, отстрелялась! — прорычал ближайший бандит, перехватывая тяжелый палаши двумя руками.

Дибби стиснула зубы, готовая выпустить последнюю стрелу прямо в лицо ублюдку и встретить удар, как вдруг...

Лесная чаща прямо за спинами разбойников с треском взорвалась. Из густого ночного тумана серым пушистым вихрем вылетел Сайгар. Маленький барс издал такой оглушительный, яростный «Мр-ря-а-а!», какого Дибби от него никогда не слышала. Сай с ходу прыгнул на загривок замыкающему бандиту, впиваясь когтями в его грязную куртку и заставляя того дико заорать от неожиданности.

А в следующую секунду из кустов лавиной хлынули люди. Десятки пылающих факелов разом разрезали ночную тьму, заливая вырубку зловещим багровым светом. Впереди всех с тяжелой железной кочергой наперевес бежал дед Бран. Его седая борода развевалась, а лицо было бледным от ярости.

— А ну пошли прочь от неё, гниды лесные! — зычно, во всю глотку взревел старик. — Руби их, мужики!

За его спиной с яростными криками выкатился деревенский отряд. Мужики, вооруженные вилами, тяжелыми охотничьими рогатинами и топорами, не стали сомневаться ни секунды. Для приграничных жителей, у которых эти твари сожгли соседей, разбойники были хуже бешеных волков.

Бандит, на котором висел Сай, даже не успел развернуться — тяжелые кованые вила кузнеца с ходу пробили ему грудь, пригвоздив к сырой земле. Остальные уцелевшие налетчики, увидев разъяренную толпу с факелами и труп своего непобедимого главаря Хаккона у шалаша, мгновенно растеряли всю свою спесь. Они в ужасе бросили оружие и попытались нырнуть обратно в чащу, но деревенские охотники настигли их в три счета.

Дибби обессиленно опустила лук, чувствуя, как ноги подкашиваются. Тетива сорвалась без выстрела. Силы окончательно покинули её, но она упрямо заставила себя сделать шаг вперед.

— Кир... — прохрипела она, зажимая бок рукой.

Парень всё еще лежал на животе в грязи, тяжело и прерывисто дыша. Его левая рука со сломанной ключицей неестественно подвернулась, а правая по-прежнему намертво сжимала её охотничий нож. Из маленького деревянного шалаша у палатки Хаккона высунулась бледная, заплаканная мордашка десятилетней девочки. Энни, дрожа всем телом, смотрела на окровавленное месиво вокруг.

— Братик! Кира! — тонко, истошно закричала малышка, выбираясь из укрытия и падая на колени рядом с ним.

Дибби доковыляла до них первой и тяжело опустилась на колени прямо в затоптанную траву. Сайгар тут же подбежал к ней, преданно ткнул мокрым носом в ладонь и издал тихое, успокаивающее «Мр-рук».

— Живой он, мелкая, живой... — Дибби аккуратно разжала намертво сведенные судорогой пальцы Кира, забирая свой окровавленный нож, и перевернула парня на спину. Тот слабо застонал, приоткрывая глаза.

— Получилось?.. — едва слышно выдохнул Кир, утыкаясь взглядом в плачущую сестру. На его лице сквозь грязь и копоть проступила слабая, вымученная улыбка.

— Получилось, прозрачная твоя балда, — с трудом улыбнулась в ответ Дибби, чувствуя, как к горлу подступает комок. — Энни жива.

Над ними выросла тяжелая тень деда Брана. Старик тяжело дышал, опираясь на кочергу, его взгляд метался от окровавленного трупа Хаккона к сломанной ключице парня. Бран сурово посмотрел на внуку, но в его глазах вместо злости была лишь дикая, родительская гордость и облегчение.

— Ну и задава ты мне жару, охотница, — тихо проворчал дед, опускаясь рядом с Киrom и принимаясь профессиональными движениями травника ощупывать его разорванное плечо. — Дома поговорим. А сейчас — живо вяжите носилки, мужики! Парня и девчонку в деревню. Живо!

Глава 9

Утро пришло не через свет, а через запах. Кровь — она вьелась в ноздри, вьелась в поры, вьелась в ту самую изнанку сознания, где сны встречаются с явью.

Она не помнила, как вышла из дома.

Помнила только, что в груди было тесно. Что воздух не помещался в лёгкие, и каждый вдох отдавался в рёбрах. Помнила холодную траву под босыми ногами. И тишину — такую, что слышно было, как кровь стучит в висках.

Дерево стояло у края огорода. Старая дикая яблоня, кривая, с корой, которая отслаивалась лохмотьями. Она росла здесь ещё до того, как дед Бран поставил лачугу. Дибби лазала по ней в детстве, сидрала колени, пряталась в её кроне от отцовского гнева. Сейчас она смотрела на неё и не видела ничего, кроме мишени.

Она не помнила, как выхватила нож. Как занесла руку. Как ударила. Первый удар — в ствол, по косой, туда, где у человека горло. Клинок вошёл в кору с глухим, влажным стуком. Она выдернула — и ударила снова. Ниже. Там, где сердце. Глубже. Ещё глубже. Дерево вздрагивало от каждого удара, кора разлеталась щепками, из-под лезвия сочилась бледная, горячая влага — сок, который пах сыростью и землёй.

Она была, пока рука не онемела. Пока не перестала чувствовать рукоять. Пока в груди не стало пусто. И тогда она опустила руку. Посмотрела на яблоню.

Кора была изодрана. Глубокие, кривые раны зияли на стволе, белые, влажные, как свежие порезы. Она смотрела на них и не понимала, что это сделала она. Не понимала, что дерево, которое помнило её детство, теперь иссечено ножом, которым она вчера убила человека.

Слёзы пришли не сразу. Сначала она просто стояла, глядя на свои руки. На нож. На дерево, которое истекало соком. Потом в горле встал комок, и она не смогла его проглотить. Потом слёзы потекли по щекам — тихо, беззвучно, как утренняя роса.

Она плакала не потому, что убила человека. Она плакала потому, что поняла: та девочка, которая лазала по этой яблоне, больше не вернётся.

Из-за спины раздался хруст травы. Она обернулась. Кир стоял в двух шагах, бледный, с перевязанной рукой, с испуганным лицом. Он смотрел на изуродованное дерево, на слезы на её щеках, на нож, который она всё ещё сжимала в опущенной руке.

Дибби не знала, что сказать. Она просто стояла, держа нож, и слёзы текли по щекам, и она не вытирала их. Кир молчал. Потом шагнул вперёд. Осторожно, медленно, как подходят к раненому зверю. Он протянул руку к её запястью, и она позволила ему коснуться себя. Его пальцы были тёплыми. Он мягко разжал её пальцы, забрал нож, придержал его за лезвие, чтобы она не порезалась, и аккуратно положил на землю.

Она не сопротивлялась. Просто стояла и смотрела на него, и слёзы всё ещё текли.

Кир не спросил, что случилось. Он не сказал «всё будет хорошо». Он просто шагнул ближе и неуклюже, одной здоровой рукой, притянул её к себе. Её лицо упёрлось в его здоровое плечо. Она чувствовала, как пахнет его рубаха — деревом, дымом, его собственным запахом.

Он ничего не сказал.

Она не плакала долго. Как таковым даже плачем это не назвать. Потом она выдохнула, отстранилась, вытерла лицо рукавом.

— Я дерево... — хрипло начала она, но не договорила.

— Я вижу, — кивнул Кир. — Ничего. Заживёт. Яблоки в следующем году будут сочные.

— Я просто вспомнила, — тихо сказала она, не поднимая глаз от ножа в земле, — как отец говорил: «Человек почти как свинья. Только кости тоньше».

Кир молчал. Потом хрипло кашлянул и сказал:

— Ну... свиньи хотя бы не матерятся, когда дохнут.

Кир ей нож рукоятью вперёд. Она взяла. протянул

— Тогда вытри его и иди завтракать, — сказал Кир. — Бран испёк лепёшки. И если ты сейчас не зайдёшь, я съем твою.

Она посмотрела на клинок. На солнце, которое пробивалось сквозь листву, на влажную траву, на этот бескрайний, дышащий лес.

Она вложила нож в ножны. Потом подняла взгляд на Кира.

— Если ты съешь мою лепёшку, — сказала она, — я тебе вторую руку сломаю.

Кир усмехнулся.

— Пойдём, — сказал он. — Холодно. И у меня рука болит так, что я готов выть.

Она посмотрела на нож, потом на дерево, потом на Кира. И пошла за ним к дому.

В избе пахло топлёным маслом, свежесыпеченным тестом и горьковатым чаем на лесных травах, который Бран заваривал в большом глиняном чайнике. На середине стола высилась горка горячих румяных лепёшек. Дед испёк их в печи, и от них шёл такой умопомрачительный аромат, что у Дибби, несмотря на утреннюю тяжесть в душе, мгновенно свело желудок.

За столом, поджав под себя худые ноги, сидела маленькая Энни. На ней была чистая, явно великоватая ей Диббина старая рубашка, подпоясанная верёвкой. Девочка выглядела растерянной. Она медленно, крошечными кусочками жевала пышный мякиш лепёшки, испуганно вздрагивая от каждого стука ложек и то и дело поглядывая на брата, словно проверяя, не исчез ли он.

Под столом раздалось тихое, требовательное «Мр-рук!».

Энни опустила глаза. Сайгар, учуяв запах масла, сидел у её сапожек, преданно задрал серую мордочку и часто-часто перебирая передними лапами от нетерпения. Девочка робко, оглядываясь на хмурого деда Брана, отщипнула самый масляный кусочек и опустила руку вниз. Сай миглом слизал угощение шершавым языком и оглушительно затарахтел, утыкаясь лбом в её колени, явно требуя продолжения банкета. На бледном личике Энни впервые за утро проступила слабая улыбка.

Кир попытался поудобнее устроиться на лавке, но левое плечо со сломанной ключицей тут же отозвалось резкой вспышкой боли.

— Уф... — не сдержавшись, тихо простонал парень и замер, тяжело дыша и шмыгая носом. Он сердито посмотрел на сестру. — Энни, ну-ка не балуй кошака. Ему лепёшки вредно. Он хищник, а не попрошайка.

Непонятно почему, но Сайгар все понял и недобро посмотрел на Кира, явно опуская его на пару строчек вниз в своем внутреннем рейтинге, а может на мгновение даже записал в кровные враги.

Дед Бран, стоявший у очага, лишь тяжело вздохнул и покачал седой головой. Старик сел за стол напротив внучки, налил в её кружку горячий отвар и смерил Дибби долгим, пронзительным взглядом. Он видел её бледность и искусанные губы.

— Ешь давай, воительница, — негромко, но строго сказал дед. — Силы тебе понадобятся. Выхаживать вас двоих теперь мне. Давай, ешь свою долю, пока горячая.

Дибби молча взяла лепёшку, макнула её в густую сметану и посмотрела на парня, который всё ещё кривился от боли в перевязанном плече.

— Слышишь, что дед говорит? Ешь давай, прозрачная балда, — тихонько хмыкнула она, пытаясь привычной колкостью отвлечь его от ноющего плеча. — А то Энни с Саем сейчас и твою лепёшку под столом приговорят.

Как только с едой было покончено, Энни аккуратно сползла со скамьи. Девочка выглядела уже гораздо лучше — домашнее тепло и сытный завтрак вернули её щекам здоровый румянец. Она робко посмотрела на деда Брана, затем на брата, словно спрашивая разрешения, и тихонько позвала:

— Сай... Пойдём?

Котёнок только этого и ждал. Издав победное «Мр-ря!», барс пулей вылетел из-под стола и первым бросился к выходу, едва не перевернув пустую корзину для угля. Энни со смехом выбежала вслед за ним на улицу. Через открытую дверь было слышно, как на залитом утренним солнцем дворе начались их весёлые догонялки: Сайгар вовсю нарезал круги по росе, а девочка звонко топала сапожками, пытаясь поймать уворачивающийся серый хвост.

В избе сразу стало тихо. Дед Бран неторопливо собрал пустые миски, сложил их в лохань и тяжело опустился на лавку напротив Диб и Кира. Старик набил глиняную трубку пахучим лесным табаком, раскурил её от уголька и глубоко затянулся, выпуская под потолок сизый, горьковатый дым.

— Ну вот что, полуночники, — глухо заговорил Бран, переводя взгляд с внучки на бледного Кира. — Вам повезло, что я проснулся посреди ночи — гляжу, а тебя, Диб, нет. Лук твой старый сломанный на месте, а новой брони и ножа охотничьего не видать. Ну, у меня внутри всё и похолодело.

— Выскочил я на крыльцо, — продолжал дед, пустив ещё одно колечко дыма. — Тьма кромешная, туман с реки валит — хоть глаз выколи. Куда бежать? Где вас искать? Потоптался у огорода, покричал тихонько — тишина. Решил уже к старости бежать, мужиков поднимать, как вдруг из кустов вылетает это чудо серое. Сайгар ваш. Прибежал, шерсть дыбом, уши назад прижал, а глаза огромные, вытаращенные от испугу! Уставился на меня, мравкнул так истошно, будто его самого вепрь за хвост тянет, и давай за полы моего кафтана зубами хватать. Дернет в сторону леса, отпустит, отбежит на три шага, назад оглядывается и снова орет на всю низину. Мол, ну чего стоишь, старый пень, шевелись давай! Тут уж и дурак бы всё понял.

— Он дорогу указал? — тихо спросила Диб, наконец подняв глаза на деда.

— Указал, — кивнул Бран. — Я пулей полетел по дворам. Поднял наших, сказал, что разбойники где-то совсем близко девушку мою зажали. Мужики топоры да вилы похватили, факелы запалили — и в лес. А мелкий барс впереди нас бежал, как заправская гончая. Ни разу с тропы не сбился, прямо через туман к старым вырубкам нас вывел, точнехонько к моменту, когда эти твари вас окружать начали. Если бы не Сай... не сидели бы вы сейчас тут оба, лепешки мои не трескали.

Дед Бран замолчал, аккуратно постучал трубкой о край глиняной плошки, вытряхивая прогоревший серый пепел, и тяжело вздохнул. В избе на мгновение воцарилась густая, звенящая тишина, прерываемая лишь далеким детским смехом Энни на улице.

— Ладно, — старик поднялся со скамьи, опираясь ладонями о колени, и накинул на плечи свой старый рабочий кафтан. — Разговоры разговорами, а мне пора к старости сходить. Надо обсудить, что делать с тем добром, что у разбойников на вырубках осталось, да патрили на тракте усилить.

Бран подошел к двери, взялся за тяжелую деревянную ручку, но на секунду остановился и обернулся к Диб и Кире. Его суровое лицо на миг смягчилось.

— Староста-то наш, как про ночную резню прознал, сразу рвался сюда прибежать, — ворчливо добавил дед. — Хотел вас обоих видеть, да расспросить в деталях. Глаза вон из орбит лезли от любопытства.

Кир невольно сжался на лавке, осторожно придерживая здоровой рукой посиневшее левое плечо. Встречаться со старостой деревни и заново пересказывать весь этот кошмар ему хотелось меньше всего.

— Но я его быстро осадил, — хмыкнул Бран, и в его глазах промелькнула привычная стариковская твердость. — Сказал, чтоб и носа своего к моей лачуге не совал. Вам восстановиться нужно, раны зализать да дух перевести после такой каторги. Пару-тройку дней

вам лучшие отлежатся. Так что сидите тихо, ешьте лепешки и сил набирайтесь, пока я не вернусь. Понятно?

— Понятно, деда, — тихо ответила Дибби, чувствуя, как внутри разливается волна искренней благодарности к старику.

Дверь за Браном мягко прихлопнулась. В избе наконец-то воцарился тот самый долгожданный покой, который был им сейчас нужен больше всего на свете.

Глава 10

Три дня в лачуге Брана текли размеренно и тихо. Небольшое жильё травника пахло переваренным костным дегтем, сушеной ивовой корой и кислым овечьим молоком. Места внутри было немного, поэтому быт устроился сам собой. На единственной широкой жилой лавке у окна Бран обустроил постель для раненых. Кир, чье левое плечо старик намертво стянул жесткими льняными бинтами и примотал к груди кожаным ремнем, спал у самой стены. Рядом с ним, намертво вцепившись пальцами в край его чистой рубахи, спала маленькая Энни. Девочка все еще вздрагивала по ночам, и Кир, ишья от боли в ключице, аккуратно обнимал её здоровой рукой, укрывая их обожженным на краях овечьим тулупом.

Дибь часами пропадала на огороде. Её рёбра, надежно защищенные плотными полосами нового кожаного жилета, почти зажили. Охотница привыкала к трофейному луку. Тяжелый, упругий, усиленный роговыми пластинами, он требовал совершенно иной работы плеч. К исходу третьего дня Дибь уже уверенно всаживала стрелы в соломенное чучело у забора, слушая грозный, хлесткий свист тетивы.

На четвертое утро в дверь лачуги постукали — негромко, но весомо.

На пороге стоял староста Вальдар. Без своего парадного кафтана, в простой походной куртке, он казался уставшим. Лицо старосты осунулось, под глазами залегли темные круги, а в широких ладонях он бережно держал узкий деревянный ящичек, обернутый куском чистой мешковины. За его спиной, вежливо переминаясь с ноги на ногу, стоял местный кожевник.

— Мир вашему дому, Бран, — негромко произнес староста, снимая шапку и переступая порог. Он уважительно кивнул старому травнику, затем перевел взгляд на Кира с сестрой и, наконец, остановился на Дибь. В его глазах мешались искреннее удивление, теплота и крестьянская озабоченность.

Вальдар прошел к столу и аккуратно опустил на него свою ношу: — Ну и делов вы наворотили на вырубках, полуночники. Мужики до сих пор телеги с добром оттуда таскают. Хаккон, чтоб ему на том свете пусто было, полтракта обобрал, пока там сидел.

Бран отставил ступку с травами и тяжело вздохнул: — Чего хмуришься тогда, Вальдар? Разбойничье гнездо разорено, радоваться надо.

— Радоваться-то радуемся, Бран, да только у меня под жилами всё стынёт, — староста покачал головой и присел на край лавки. — Подумать только: эти твари сидели в трех верстах от нашей изгороди! Мы-то думали, на тракте пришлые кочевники лютуют, а они лагерь под самым носом разбили. Если бы мужики знали, что разбойники так близко окопались, мы бы всей деревней собрались, вилы бы взяли да пошли и вывели этот сброд под корень. А они скрытно действовали, хитрые, сукины дети... под честных лесорубов рядились. Кабы не Дибь, мы бы до зимы так слепыми и ходили.

Вальдар повернулся к девушке, и его голос смягчился, став по-отечески серьезным: — Мужики рассказали, что в лагере видели. Про часового в крапиве у тропы, и про самого Хаккона, которого твой пришлый паренек в шалаше приговорил. Дибь, дочка... Деревня перед тобой в долгу. Ты девка молодая, а отваги в тебе оказалось больше, чем во всех моих пастухах, которые от любой тени в кусты прыгали. По закону приграничья и по совести я обязан тебе награду выдать за спасение общины.

Староста замолчал, отвел взгляд в окно и тяжело вздохнул: — Да только ты сама видишь, какое время пришло. Скверна наступает, изгородь загоня плотники никак собрать не могут, две овцы начисто иссохли. Всё серебро, что мужики из сундуков Хаккона вытряхнули, до единой монетки уйдет южным купцам на закупку зимнего зерна и нового скота. Казну выгребли дочи́ста, чтобы деревня просто до первой оттепели дотянула. Денег нет, Дибь. Нечего мне тебе в кошель насыпать, как бы мне того ни хотелось.

Дибби сделала шаг к столу и качнула головой: — Вальдар, мне не нужно твое серебро. Мы шли туда ради Энни.

— Я знаю, — староста грустно улыбнулся, но тут же помрачнел и потянул за край мешковины, открывая узкий футляр из мореного дуба, украшенный серебряной ковкой и незнакомой сложной эмблемой с переплетенными лозами. — Но с пустыми руками ты от меня не уйдешь. Мужики, когда палатку главаря разбирали, нашли под настилом вот это. Похоже, Хаккон снял ящичек с какого-то столичного обоза на тракте. Забирай. Это твоя законная доля.

Вальдар щелкнул защелкой и открыл крышку. На фиолетовом бархате покоились два длинных изящных кинжала из матовой темной стали. В их тяжелые рукояти были вживлены крупные фиолетовые камни, внутри которых, словно в глубине ночного омуты, лениво переливалась сиреневая искра.

Сайгар под столом мгновенно проснулся, глухо зарычал и попятился назад, прижав серые уши. Кир у окна аж подался вперед, затаив дыхание.

Бран подошел ближе, взглядываясь в кристаллы, и его лицо натянулось: — Вальдар... Это ведь магия. Работа дорогая, столичная. Зачем ты девке это отдаешь? Опасные вещи.

— Потому и отдаю, Бран, что так правильнее, — староста понизил голос, серьезно и доверительно глядя на травника. — Кожевник мой, как этот короб принес, три дня сам не свой ходил — говорит, камни эти по ночам фиолетовые тени по стенам пускают. Мужики наши — простые люди, они этой чертовщины боятся, у нас и без того нечисть всякая лезет. А главное, Бран... ты ведь знаешь, через пару дней на тракт патруль Ордена из Элириума прибудет границы проверять. Если они у меня в управе найдут вещи разграбленного столичного обоза — они нас самих за пособников разбойников сочтут! Решат, что мы с Хакконом в доле были. Деревню подпалят и не дрогнут.

Вальдар пододвинул футляр к Дибби: — А у тебя, охотница, рука не дрогнет. Ты силу Хаккона сломала, у тебя отцовская порода. Спрячь их, пользуйся, делай что знаешь. Патрульным мы скажем, что банду волки в Чащобе порешили, а добро их погорело. Спаси деревню еще раз, заberi это от греха подальше.

Слухи в приграничье Вердании обладали собственной, дурной силой. Стоило старосте закрыть за собой дверь, как дед Бран, хмурясь, ушел на деревенскую площадь. Вернулся он поздно, когда маленькая Энни уже крепко спала на широкой лавке, уткнувшись носом в чистую рубаху брата.

— Языки бы им поотрывать, — Бран в сердцах бросил шапку на верстак и принялся яростно набивать трубку сушеной травой. — Мужики у костра три бочки пива осушили, пока трофеи делили. А мимо как раз обоз шел в Мидден. Куницы послушали этот бред про девку, которая в одиночку всю банду порешила, глаза выкатили и погнали лошадей так, будто за ними Скверна по пятам прется.

Кир аккуратно, чтобы не потревожить сестру, пересадил Сайгара с колен на подоконник. Котёнок недовольно мявкнул, но тут же свернулся клубком.

— До Миддена два дня пути, — Бран выпустил струю горького дыма, глядя в окно на темнеющий лес. — Но стража и тамошние чинуши всё узнают уже к завтрашнему вечеру. Вальдар прав: если эти железки столичные, их начнут искать. Тишины у нас больше не будет.

Дибби ничего не ответила. Она подошла к столу, закрыла дубовую крышку футляра, щелкнув серебряной защелкой, и перенесла ящичек на подоконник — туда, где сидел Кир.

Парень удивленно вскинул на неё глаза.

— Тебе нужнее, — тихо сказала она. — Оружие не должно лежать без дела. Скоро тебе придется защищать Энни.

Парень промолчал, лишь плотнее прижал здоровую ладонь к крышке футляра, но в его серых глазах мелькнула глубинная, немая благодарность.

Ночью Дибби спала плохо. Внутри билось странное, лихорадочное нетерпение. Она понимала, что оставаться в лачуге и ждать, пока слухи привезут в деревню ищеек из города — глупо. Нужно действовать на опережение. Ей тесно в этой глуши. Настала пора увидеть, что лежит за пределами их лесного приграничья.

Она поднялась за час до рассвета, когда небо над Верданием едва подернулось сизым пеплом.

Дибби двигалась бесшумно, стараясь не скрипеть половицами. Первым делом она подошла к зеркальной глади замерзшей воды в кадке у порога. Густые темные волосы за ночь растрепались, а сырой утренний воздух, пробивавшийся сквозь щели, уже сделал их тяжелыми и липкими.

Дибби достала из кармана старый, потемневший от времени костяной гребень с вырезанной лилией на ручке — единственную вещь, оставшуюся от матери, которую отец берег до самого своего исчезновения. Она медленно, методично расчесала пряди, а затем, туго перехватив их у самого затылка кожаным шнурком, скрутила в жесткий, плотный узел. Затянула так сильно, что кожа на висках слегка натянулась.

Затем пришла очередь доспеха. Плотный кожаный жилет, купленный у южного купца, был хорош, но кроен по лекалам художавого парня-оруженосца. На девичьей груди он топорщился, а широкие наплечные ремни неприятно врезались в ключицы, обещая через пару верст стереть кожу до крови. Дибби присела на скамью, достала малый нож Брана и аккуратно, стараясь не шуметь, проколола два новых отверстия в боковых хлястиках, перетянув ремни пониже, под ребра. Жилет сел плотнее, вздохнуть стало труднее, но теперь он двигался вместе с её телом, не натирая плечи.

Она перекинула через плечо колчан с тяжелыми стрелами, проверила тетиву ясеневое лука и надежно спрятала кошель с оставшимися тринадцатью серебряными монетами во внутренний карман доспеха.

Оглянувшись на лавку, Дибби задержала взгляд на Кире. Парень спал тяжело, изможденно, но его здоровая рука даже во сне защитно укрывала Энни краем тулупа. Девочка тихо сопела. Здесь, под присмотром Брэна, они были в безопасности. А тащить покалеченного Кира на разбитый осенний тракт было бы безумием. Она должна была сделать этот шаг одна.

У самого порога её плащ зацепила маленькая когтистая лапа. Сайгар, бесшумно спрыгнув с подоконника, преградил ей путь. Котёнок задрал голову, всматриваясь в неё своими круглыми голубыми глазами, и коротко, требовательно вякнул.

Дибби присела на корточки и тихо улыбнулась. Оставлять его она и не думала. В этом диком мире маленький барс был её единственной родной душой, готовой делить с ней и холодные ночевки, и дорожную пыль.

— Пойдём, Сай, — шепнула она, подхватывая котёнка на руки. Тот довольно, басовито затарахтел, утыкаясь мокрым носом в её шею и устраиваясь в теплых складках походного плаща.

Глава 11

Осень в приграничье Вердании умирала неохотно, оставляя после себя тяжелый, удушливый запах гниющей хвои, раскисшей глины и горького ольхового листа. Небо висело низко, серое, как старое некрашеное полотно, и сквозь него то и дело пробивалась мелкая, ледяная изморось. Настоящие холода задерживались где-то в северных теснинах, но земля уже остыла — утренние лужи подергивались хрупким, аспидным ледком, который со звоном крошился под ногами.

Дибь шла не по самому тракту. Выйти на открытую, наезженную дорогу, пахнущую дегтем и чужим эфиром, означало подставить спину любому случайному встречному. Дочь лесничего знала: безопаснее всего держаться в паре десятков шагов от обочины, там, где вековые ели опускали свои мохнатые, лапчатые ветви почти до самой земли, создавая надежный зеленый навес. Здесь, в лесной тени, под ногами мягко пружинил старый мох, а шаги оставались бесшумными.

Новый кожаный жилет, перешитый под девичью фигуру, сидел плотно, удерживая тепло тела, хотя ремень тяжелого колчана все еще непривычно давил на правую ключицу. Дибь то и дело поправляла его свободной рукой, прислушиваясь к шорохам увядающего леса.

Рядом, то пропадая в густом папоротнике, то бесшумно возникая у поваленных берез, серым призраком скользил Сайгар.

За последние несколько дней, проведенных в тепле лачуги Брана, котенок удивительно окреп. Дибь с удивлением замечала, как округлились его бока, а лапы стали шире и тяжелее, словно горная порода отца-барса наконец взяла свое. Голубые глаза котенка смотрели осмысленно и хищно, в них больше не было того детского, испуганного блеска, с которым он прижимался к ее груди в расщелине Острума. Изголодавшийся лесной заморыш превращался в гибкого, сильного зверя, чья шерсть на хребте уже отливала благородным дымчатым серебром.

Носить его в походной сумке становилось тяжело — Сайгар крутился, выпускал когти и требовательно ворчал, требуя свободы. Да и лапам его нужна была воля. Он учился ходить по дикой земле: перепрыгивал через загнившие бревна, припадал к земле, выслеживая юрких лесных мышей, и забавно чихал от едкого запаха болотного багульника.

— Сай, ко мне, — негромко, едва слышно позвала Дибь, остановившись у расколотого молнией пня.

Котенок мгновенно замер, подняв одну лапу, уши его повернулись на звук голоса. Через секунду он мягким, пружинящим прыжком преодолел разделявшее их расстояние и уткнулся мокрым, холодным носом в ее ладонь в кожаной перчатке. Дибь улыбнулась уголками губ, достав из поясного мешочка крошечный кусочек сушеного мяса — награду за послушание. Сайгар аккуратно, едва касаясь пальцев зубами, забрал лакомство и сыто заурчал, виляя коротким хвостом.

Это была их главная наука на сегодня. В глухом лесу приграничья ручной барс вызывал у мужиков лишь удивление, но там, впереди, куда вел тракт, чужие люди могли повести себя иначе. Дибь не хотела, чтобы на ее маленького спутника косились городские стражники или, чего доброго, наемники. Сайгар должен был научиться исчезать по первому ее знаку.

Она подняла руку, выставив вперед два пальца, и тихо, по-охотничьи цыкнула языком: — Спрячься, Сай. В тень.

Барсенок замер. Он посмотрел на ее руку, затем на густые кусты колючей ежевики, росшие неподалеку. В его кошачьей голове словно повернулся невидимый рычажок. Он не просто отошел в сторону — он плавно, без единого звука опустил брюхо на прелую листву, сливаясь своей серой шерстью со мхом и сухими ветками. Через мгновение на том месте, где он

сидел, остался лишь едва заметный бугорок, который обычный человек принял бы за трухлявую кочку.

Дибби затаила дыхание, всматриваясь в заросли. Если бы она не знала, куда именно прыгнул котенок, она бы ни за что его не разглядела. Охотничья кровь Сайгара работала безупречно: он умел замирать, не выдавая себя ни единым движением усов, ни дрожью ушей.

— Хороший мальчик, — прошептала она, чувствуя, как внутри разливается странное, теплое чувство гордости. Сайгар через их ментальную связь уловил её одобрение, и из кустов донеслось едва различимое, довольное таракхтение.

Она двинулась дальше, и серый комок бесшумно снялся с места, следуя за ней параллельным курсом.

К полудню небо окончательно потемнело, налившись тяжелой, свинцовой синевой. Изморось сменилась мелкой, колючей ледяной крупой, которая с сухим шуршанием сыпалась на пожухлую траву и застревала в складках дорожного плаща. Лес, до этого казавшийся родным и знакомым, за порогом приграничных земель начал постепенно меняться, наваливаясь глухой, равнодушной тишиной. Вековые ели стояли молчаливыми стражами, их лапы были покрыты серым, клочковатым мхом-бородачом, который в этих местах рос особенно густо.

Дибби почувствовала, как шаг её стал тяжелее. Кожаные сапоги, еще с утра бывшие сухими, начали впитывать сырость болотной кромки. Раскисшая под ногами глина липла к подошвам, утяжеляя каждую ногу на добрый фунт. Постепенно накатывалась усталость.

Сайгар, в отличие от хозяйки, усталости не показывал. Напротив, холодная крупа и простор лишь раззадорили его горную кровь. Он то и дело уносился вперед, прыгая по расколотым пням, его широкие лапы оставляли четкие, округлые следы на тонком слое свежего инея. Несколько раз он замирал перед трухлявыми корягами, упрямо вынюхивая скрытые норки полевок, и Дибби приходилось тихо свистеть сквозь зубы, заставляя его вернуться под защиту еловых лап.

Тракт, петлявший справа от них, оставался пустым и мертвым. Ни тележного скрипа, ни перестука копыт, ни человеческих голосов. Только глубокие, замерзшие колени, заполненные грязной ледяной коркой, напоминали о том, что когда-то здесь ходили обозы. Приграничье пустело перед зимой особенно быстро — купцы старались проскочить опасные участки до того, как земли окончательно завалит снегом, а туманы отрежут северные хутора от остального мира.

Дибби остановилась у подножия раскидистой, наполовину высохшей сосны, корни которой змеями выползали прямо на мох. Ей нужно было перевести дух. Она аккуратно сбросила с плеча ремень колчана, со вздохом облегчения расправила затекшее плечо и прислонилась спиной к шершавому, пахнущему смолой стволу.

Сайгар тут же уселся у её ног, тяжело дыша и высунув розовый язычок. На его дымчатых усах поблескивали капли растаявшей ледяной крупы. Дибби опустилась на корточки, стянула зубами кожаную перчатку и принялась аккуратно перебирать густую шерсть на его загривке, вытаскивая застрявшие кусочки сухой хвои и цепкие семена репейника. Барсенок довольно прижмурился, подставляя под теплую ладонь подбородок.

Достав из внутреннего кармана холицовый мешочек, Дибби вытряхнула на ладонь горсть сухарей, которые Бран засушил из остатков ржаного хлеба, и пару полосок вяленого мяса. Мясо она сразу отдала котенку — тот перехватил его зубами с глухим, ревнивым урчанием и уволок под корень. Сама же она принялась медленно разжевывать сухарь, глядя сквозь редкие ветви на пустынную дорогу.

В кармане тихо звякнули серебряные монеты — всё, что осталось от её прежней жизни, от шкуры вепря и отцовского дома. В деревне это казалось приличными деньгами, но Дибби понятия не имела, сколько стоит жизнь там, за лесом. Хватит ли этого, чтобы купить нормальные стрелы не то, чтобы со стальными, но хотя бы с железными наконечниками в

Миддене? Хватит ли на постой на постоялом дворе, где не будут задавать лишних вопросов о диком звере под плащом?

Сумерки навалились на Верданию внезапно, словно кто-то тяжёлый накрыл верхишки елей грязным серым крылом. Ледяная крупа перестала сыпаться, но вместо неё с юга потянуло промозглой, липкой сыростью. Туман, выползавший из низин, пах болотной ржавчиной и гнилым деревом. Идти дальше впотьмах по пересечённой местности, рискуя в любой момент оступиться на замерзшем корневище или провалиться в скрытую мхом яму, было нельзя.

Дибь уже приглядывала густой ельник погуце, чтобы устроить ночлег под лапами векового дерева, когда Сайгар вдруг резко замер. Его серое тело вытянулось в струну, дымчатый хвост едва заметно дрогнул, а ноздри судорожно втянули влажный воздух. Через секунду Дибь и сама уловила то, что почуял барс, — едва заметный, но ни с чем не сравнимый запах жилища. Настоящего, человеческого тепла. Пахло кислым ржаным дымом из печной трубы, варёной репой и палёным салом.

Охотница сделала знак котенку, и тот привычно скользнул за её сапог, прижав уши. Свернув чуть ближе к тракту и раздвинув тяжёлые, мокрые лапы можжевельника, Дибь увидела цель.

На небольшом выкорчеванном пятачке у самого края дороги стояла приземистая, сложенная из толстых потемневших брёвен харчевня. Её крыша, заросшая старым зелёным мхом, низко нависала над тремя узкими окошками, из которых пробивался тусклый, колеблющийся свет сальных свечей. Вокруг высился крепкий частокол из еловых кольев, обнесённый глубокой канавой. У коновязи перед тяжёлыми дубовыми воротами уныло переступали с ноги на ногу две замороженные лошади, запряжённые в крытую рогожей телегу.

У Дибь под кожаным жилетом на секунду замерло сердце. Она всю жизнь провела в родной деревне, где каждая изба была знакома до последнего бревна, а каждый прохожий — соседом, с которым здоровался ещё её отец. Чужое, незнакомое место, полное неизвестных людей, пугало сильнее, чем ночная Чащоба.

Она опустила на одно колено, мягко привлекая к себе Сайгара. — Сай, — шепнула она, заглядывая в его круглые, светящиеся в полумраке глаза. — Пойдём. Тихо. В тень. Не высовывайся, пока я сама не позову.

Котенок коротко, едва слышно фыркнул, словно обижаясь на то, что ему напоминают очевидное. Под её ладонью его тело послушно обмякло, и барс без лишних препирательств залез под просторные полы её походного плаща. Он устроился на широком пояском ремне, крепко обхватив её лапами за поясницу, словно живой, греющий воротник. Из-под ткани остался торчать лишь самый кончик его мокрого носа. Дибь запахла плащ плотнее, поправила капюшон, перехватила ясеневиный лук и, чувствуя привычную, надежную тяжесть охотничьего ножа на бедре, направилась к воротам частокола.

Тяжёлая дубовая дверь харчевни поддавалась с натужным, ржавым скрипом.

Внутри Дибь на мгновение ослепла от густого, сизого махорочного дыма и жара, шедшего от огромного каменного очага в углу. Заведение пахло именно так, как и должно пахнуть место, где придорожный сброд коротает осенние ночи: прокисшим элем, застарелым потом, мокрой шерстью кафтанов и дегтярной смазкой для сапог.

Разговоры за тремя длинными, грубо обтесанными столами на секунду стихли. Несколько пар глаз — уставших, хмурых, привыкших оценивать любого встречного с точки зрения наживы или опасности — уставились на порог. Дибь не стала опускать капюшон. Она замерла у двери, придерживая левой рукой свой лук и давая глазам привыкнуть к полумраку.

За дальним столом сидели двое возчиков в засаленных кожаных фартуках — хозяйка тех самых замороженных лошадей у коновязи. Чуть ближе, у самого очага, грели спины трое угрюмых мужчин в поношенных куртках с нашивками какой-то мелкой торговой гильдии из

Миддена. За стойкой, протирая глиняную кружку заскорузлой тряпкой, стоял сам трактирищик — грузный, лысый мужчина с багровым лицом и ишрамом, рассекавшим левую бровь.

— Мир дому, — негромко, но твёрдо произнесла Дибби, стараясь, чтобы голос её не дрогнул.

Трактирищик мазнул взглядом по её новому кожаному доспеху, задержался на дорогом, усиленном роговыми пластинами луке и слегка смягчился. Охотники в этих краях водились разные, но те, у кого было хорошее оружие, обычно имели при себе и серебро.

— Заходи, коль не с дурными мыслями, — пробасил хозяин, указывая концом тряпки на свободный стол у дальней стены, подальше от сквозняка. — Эля горячего с гвоздикой? Или похлёбки из зайчатины?

Дибби молча прошла через зал, чувствуя, как Сайгар под плащом едва заметно напрягся, уловив через её сайн волну чужого, настороженного внимания. Она опустилась на грубую дубовую скамью, спиной к стене, чтобы видеть весь зал, и аккуратно пристроила лук рядом с собой.

— Похлёбки, — тихо ответила она, поглубже пряча руки в карманы плаща и незаметно пересчитывая пальцами свои монеты. — И хлеба. Вчерашнего можно.

Трактирищик кивнул и скрылся за низкой дверью, ведущей на кухню. Разговоры за столами возобновились, но теперь они велись тише, вполголоса. Дибби прикрыла глаза, позволяя теплу очага согреть лицо.

Один из гильдейцев у огня, плотный мужчина с рыжей бородкой, как раз подливал себе в кружку дешёвое вино.

— ...я тебе говорю, на северном тракте теперь ловить нечего, — вполголоса цедил рыжий, косясь на окно, за которым выл ветер. — Обозники сказывали, на вырубках у самой границы Скверна совсем распоясалась. Напали на лагерь лесорубов, две телеги добра перевернули, а мужиков раскидали по кустам. Староста местный божился, что там волки лютуют, да только волки сундуки железные не вскрывают.

— Да брось ты, Вальдар просто Орден звать не хочет, — отмахнулся его сосед, лениво грызя сухую корку. — Приедут патрульные из Миддена — всю деревню перевернут, налоги за три зимы стряснут. Вот мужики и крутят хвостом, на зверей всё списывают.

— Ну-ну, крути не крути, а стража в Миддене из-за этих слухов уже ворота на час раньше закрывать начала, — рыжий недовольно звякнул кружкой. — Нам бы до темноты завтрашней успеть, а то заночуем под стенами, зубами щелкая...

Дибби медленно выдохнула. Слухи, ушедшие из её родной деревни, текли по тракту своим чередом, обрастая домыслами, но имя старосты Вальдара и страх перед патрульными из Миддена оставались настоящими.

В этот момент дверь кухни со скрипом приоткрылась, и трактирищик вынес глубокую глиняную миску. От похлёбки поднимался густой, жирный пар, сильно пахнувший диким чесноком. Хозяин аккуратно опустил еду на дубовый стол перед Дибби и положил рядом толстый ломоть вчерашнего ржаного хлеба.

Дибби не торопилась. Она залезла рукой во внутренний карман кожаного жилета, нащупала пальцами кошель и аккуратно выудила один серебряный кругляш. Положила его на стол, прижав подушечкой пальца.

— За еду, — тихо сказала она. А затем, помедлив секунду, достала из кошеля ещё одну монету и подтолкнула её к трактирищику. Серебро тускло блеснуло в свете сальной свечи. — Мне нужен чистый угол под самой крышей, хозяин. С крепким засовом изнутри. Чтобы без сквозняков и лишних глаз.

Грузный лысый мужчина мазнул взглядом по монетам, и его ишрам на брови довольно дернулся. Два серебряника за один вечер в приграничной харчевне — это была хорошая добыча. В её кошельке осталось ровно одиннадцать монет, но Дибби знала, за что платит: за без-

опасность Сайгара, который под её плащом уже нетерпеливо переступал лапами, устав от тесноты.

— Будет тебе угол, охотница, — трактирищик быстро смёл серебро в широкий карман передника — На втором этаже, в самом конце коридора. Дверь дубовая, засов кованый. Ешь спокойно, никто не потревожит.

Хозяин отошел к стойке, а Дибби принялась медленно обмакивать хлеб в горячий жирный бульон. Ей нужно было восстановить силы после долгого дня на раскисшем тракте. Сайгар под плащом тихонько завозился, уловив запах варёного мяса. Она незаметно опустила руку под стол, отщипнула волокнистый кусочек зайчатины и сунула его в складки ткани. Послышалось короткое, чавкающее урчание, и котёнок снова затих, согревая её поясницу своим пушистым боком.

Дибби успела съесть едва ли половину, когда тяжёлая дубовая дверь харчевни с грохотом распахнулась. В зал ворвался ледяной воздух вместе со звенящей крупой осеннего дождя.

На пороге стояли трое. По их тяжёлым, подбитым сталью походным сапогам, серым добротным плащам и начищенными нагрудными бляхами с эмблемой Острия лозы — трижды перекрученной сухой ветвью с острым, как кинжал, шипом — Дибби мгновенно узнала стражей Ордена. Из-под их капюшонов веяло холодом, усталостью и той особой, сытой силой, которая всегда отличала столичных служаков. Между двумя массивными стражниками шла высокая, стройная девушка. На вид ей было лет двадцать — заметно старше самой Дибби. Её намокиший дорожный плащ был плотно запахнут, лицо бледное, осунувшееся, но держалась она удивительно прямо, упрямо глядя перед собой и не разжимая плотно сжатых губ. Из-под капюшона выбились мокрые светлые пряди. В её руках не было оружия, и шла она без кандалов, но то, как плотно стражи держались по бокам, не оставляло сомнений — девушку конвоировали.

— Эй, хозяин! — рявкнул передовой страж, сбрасывая мокрый плащ на скамью. — Живо три кружки горячего эля и мяса. Лошадей в загон, зерна не жалей. Рассвет встретим здесь, а утром уходим на Мидден и дальше, в столицу.

Трактирищик засуетился, бросившись на кухню. Гильдейцы у костра притихли, уважительно и со страхом косясь на орденские бляхи. Стражи развалились за центральным столом, шумно обсуждая раскисший тракт. Спутницу они оставили сидеть на самом краю скамьи. Девушка мелко дрожала от холода, её пальцы были судорожно сжаты в замок на коленях.

Один из стражей, прихлебывая принесенный эль, небрежно кивнул в сторону грязного пола, где возчики уже начали раскладывать охапки соломы для ночлега: — Слышь, Лира. Ночевать будешь здесь, на полу. Далеко от стола не отходи. Завтра верст тридцать отмахать надо будет до заставы, так что спи давай.

Девушка лишь сильнее сжала губы, бледнея еще больше. Ночевать вповалку на затоптанном полу среди хмельных, пахнущих конями возчиков и гильдейцев — это было унижительно, и в её глазах на секунду проступила беспомощная, глухая ярость.

Дибби медленно поднялась из своего угла. Она поправила капюшон плаща, скрывая лицо, взяла со стола ясневый лук и неторопливыми, мягкими шагами подошла к центральному столу. Стражи Ордена лениво вскинули на неё глаза, оценивая кожаный жилет и дорогое оружие, но за мечи браться не стали.

Дибби остановилась прямо перед Лирой.

— В коридоре на втором этаже сквозняков нет, — негромко, но отчетливо произнесла Дибби, глядя на девушку. — У меня есть отдельная каморка под крышей и свободный тюфяк с сухим сеном. Пойдем со мной. Среди табачного дыма и пьяного бубнежа ты до утра глаз не сомкнешь.

Старший страж хмуро оглядел Дибби: — Ты еще кто такая, охотница? Девушка едет с нами в Элириум, под опекой Ордена. Ей приказано сидеть здесь.

— Я хозяйка той комнаты, страж, — Дибби спокойно откинула капюшон, открывая лицо. — И ночевать взрослой девке на полу среди мужиков не годится. Закон приграничья и у вас в столице, небось, один — женицин под одну рогожку с чужими возчиками не кладут. Комната оплачена. Пусть идет.

Старший страж поморщился, прикинув, что охотница права, да и под присмотром другой женичины на втором этаже гостя точно никуда не денется — ворота заперты на засов, а окна каморок слишком узкие.

— Ладно, проваливайтесь, — махнул рукой страж. — Но чтоб на рассвете была внизу как штык. Лишний час ждать не станем.

Лира поднялась со скамьи, её колени слегка подкашивались от усталости. Дибби молча развернулась и повела её за собой вверх по крутой, скрипучей деревянной лестнице. Наверху, отыскав нужную дверь в конце темного коридора, она провернула тяжелый железный ключ и впустила попутчицу внутрь, сразу же задвинув массивный кованый засов изнутри.

В каморке под самой крышей приятно пахло сухой соломой и сосновой смолой. Дибби устало опустила ясеневый лук у стены и наконец распахнула полы своего походного плаща.

Сайгар мгновенно выскочил наружу, довольно встряхнувшись всем телом. Оказавшись на свободе, маленький дымчатый барс первым делом бесшумно оббежал комнату по периметру, обнюхивая углы, а затем замер, уставившись своими круглыми голубыми глазами на незнакомку.

Лира при виде хищника вздрогнула и отступила к самой двери, испуганно округлив глаза: — Это... это барс? Живой?

— Живой, — мягко ответила Дибби, присаживаясь на край постели. Она потянулась к затылку, вытащила костяную шпильку, и тяжелые темные волосы рассыпались по её плечам, принося мгновенное облегчение. Достав из кармана мамин костяной гребень, она принялась неторопливо расчесывать пряди. — Не бойся его, Сайгар чужих не трогает, если они не несут зла. Садись, там солома суше. Как тебя зовут?

— Лира, — тихо ответила та, настороженно присаживаясь на край тюфяка. Барсенок подошел ближе и доверчиво ткнулся мокрым носом в край её намокшего плаща. Девушка несмело протянула руку, едва касаясь кончиками пальцев его мягкого серого уха. — Стражи говорят, что в столице у меня будет собственная комната во дворце Ордена. Что там тепло, много книг и меня научат... научат не бояться моего дара. Они сказали, что я редкая. Что я им нужна.

Дибби перестала водить гребнем по волосам. Она посмотрела на бледное лицо своей гостьи: — Они лгут тебе, — тихо, но с пугающей, взрослой уверенностью произнесла Дибби. — Я не знаю, чему учат во дворцах Элириума, и никогда не видела столицу. Но я знаю тех, кто оттуда возвращается. Из нашей деревни Орден не раз увозил одаренных ребят. Им тоже обещали книги, сытую жизнь и славу, но назад они не пришли. Будто их и не было никогда. А те, кто вернулся... На соседнем хуторе жил одаренный парень по имени Ораст. Его забрали сильным и молодым, а через пять лет он приполз обратно ночью, сквозь чащобу. Израненный, худой, без капли магии в жилах. Ораст сошел с ума от того, что с ним там сделали, заколотил окна своего дома и ушел безумным отшельником в Дикие скалы.

Дибби сделала шаг ближе, её темные глаза в полумраке каморки смотрели серьезно и твердо: — Три дня назад я встретила патрульного следопыта в лесу. Его звали Диртан, и он наверное был из другого Ордена. Он спас меня от одной твари, Каркота, предложил поехать в столицу учиться, но когда я отказалась — он принял мой выбор, улыбнулся и подарил кристалл связи на случай беды. Он разговаривал со мной как с равной. А эти двое внизу... — Дибби качнула головой в сторону пола. — Они ведут тебя как трофейную кобылу на

ярмарку. Сажают спать на грязную солому к пьяным возчикам и приказывают не путаться под ногами. Твой дар — это ты сама. Но для них ты просто ценный груз, который нужно доставить в Мидден. На рассвете тебя увезут, и назад ты уже не вернешься.

Девушка замерла. Её бледные пальцы судорожно сжались в замок на коленях, губы задрожали, но она упрямо сглотнула подступившие слезы и вскинула голову, пристально глядя в лицо Дибби: — Ты ничего не понимаешь... Командир клялся моей матери, что я буду в безопасности. В нашей глуши меня все шарахались. Я... я ведь нормального оружия в руках держать не могу, от любого крика кровь из носа идет. Если Орден меня не заберет, я просто умру с голоду под первой же изгородью зимой.

Дибби посмотрела на её тонкие, совершенно крестьянские ладони без мозолей от тетивы или топора. Наклонив голову, она тихо спросила: — А что ты умеешь?

Девушка глубоко, прерывисто вздохнула. Медленно, словно совершая что-то запретное, она расцепила пальцы и вытянула перед собой правую ладонь, повернув её вверх.

В каморке под крышей не произошло ничего пугающего. Из её рук не вырвалось вспыхивающее свечение, но воздух над кроватью вдруг стал густым, прохладным и липким, пахнувшим речным предрассветным туманом. Прямо над сухими стеблями соломы, соткавшись из капель этой ночной сырости, возник крошечный, полупрозрачный силуэт лесного хорька. Зверек выглядел совершенно живым — его тонкие светящиеся усы лениво шевелились, а крошечные глазки-бусинки удивленно поблескивали в полумраке. Дух призрачно пискнул, доверчиво ткнулся носом в ладонь своей хозяйки, а затем испуганно перебрался к ней под мышку, мелко дрожа от холода.

Сайгар, до этого сидевший на подоконнике, мгновенно вскинул голову. Его круглые голубые глаза расширились, уши прижались к черепу, и маленький барс утробно, на самой низкой ноте зарычал, попятившись назад. Дикий горный хищник отчетливо чувствовал присутствие чужой, пугающей его магии.

Дибби затаила дыхание, всматриваясь в хрупкого духа. Это был призыв. Настоящий, чистый дар, рожденный волей этой двадцатилетней девушки, но такой беззащитный и капризный. Охотница поняла: Бран был прав на сто процентов. Для столичных лордов Острия лозы эта девчонка нужна не просто так. И наверняка это не принесет ей ничего хорошего.

Дибби медленно подошла к узкому окошку под самой крышей и рукой отодвинула трюхлявую деревянную ставню. На улице яростно выл ветер, а осенний туман плотной белесой стеной заливал тракт, полностью скрывая частокол харчевни и спящих на дворе лошадей. Самое лучшее время для тех, кто привык ходить бесшумно.

Она повернулась к призывательнице, её лицо под темными прядями волос казалось каменным. Дибби твердо перехватила дерево своего ясеневых лука.

— Назад дороги не будет, если мы дождемся утра, — тихо сказала она. — Стражи внизу сейчас пьют эль. Как только они заснут, мы уйдем через это окно. Ты пойдешь со мной? Или всё-таки выберешь их дворец?

Девушка посмотрела на своего призрачного хорька, который всё еще прятался в складках её плаща, затем перевела взгляд на Сайгара, упрямо сидевшего у сапога Дибби. Она глубоко вздохнула, вытерла лицо краем рукава и поднялась с соломенного тюфяка.

— Пойду, — прошептала она, крепко сжимая кулаки. — Помоги мне сбежать.

Глава 12

Время перед рассветом текло лениво, густо, словно болотная жижа. В крошечной каморке под самой крышей царила глухая темнота, нарушаемая лишь свистом ветра в щелях под кровлей и тяжёлым, неровным дыханием призвательницы. Девушка не спала. Она сидела на самом краю соломенного тюфяка, подтянув колени к подбородку, и её пальцы судорожно перебирали складки намокшего плаща. Прямо у её бедра, свернувшись тугим призрачным клубком, спал туманный хорёк. Дибби лежала на спине, подложив ладони под затылок, и прислушивалась к звукам снизу. Ей нужно было дождаться того самого часа, когда хмель в головах стражников окончательно потяжелеет, превратившись в глухой, свинцовый сон, из которого не так-то просто вынырнуть. Сквозь дощатый пол доносился ровный, утробный храп возчиков, басовитый хрип хозяина харчевни и тяжёлое, редкое ворочание стражников.

Рядом, вытянувшись во всю длину её правого бока, дремал Сайгар. Молодой барс умудрялся греть её сквозь плотную кожу нового жилета, и его мерное, тихое урчание помогало Дибби удерживать сознание на грани, не давая провалиться в сон. Тело охотницы требовало отдыха после целого дня ходьбы по раскисшей колее, но она лишь крепче стискивала зубы, заставляя себя бодрствовать.

Когда небо за узким оконцем из иссиня-чёрного стало грязно-пепельным, Дибби бесшумно поднялась.

Она не стала будить попутчицу словами — просто мягко коснулась её холодного плеча в темноте. Девушка мгновенно вздрогнула, вскинув голову. Призрачный хорёк на постели растаял, обратившись в едва заметное облачко сырого пара.

— Пора, — одними губами шепнула Дибби.

Она привычным движением набросила на плечо ремень тяжёлого ясеневое лука, проверила, легко ли охотничий нож выходит из ножен на бедре, и запахнула походный плащ. Сайгар уже стоял у двери, вытянув шею и бесшумно перебирая широкими серыми лапами.

Дибби аккуратно отодвинула трухлявую деревянную ставню. В лицо ударил сырой, ледяной воздух Верданиш. Туман снаружи стал ещё гуще, он стоял у самых стен харчевни плотной, белёсой ватой, пахнувшей болотной ржавчиной. В трёх шагах невозможно было разглядеть даже частокол. Для побега это было благословением.

Окно каморки выходило на задний двор, как раз туда, где к стене основного дома примыкал низкий, хлипкий навес для дров и сена. Дибби перелезла через подоконник первой. Её движения были точными, охотничьими — она нащупала носком сапога выступающее бревно нижнего венца, перенесла вес тела и мягко, без единого звука скользнула вниз, на покатулю, скользкую от инея крышу пристройки. Сайгар прыгнул следом, приземлившись рядом серым бесшумным комком.

Повернувшись к окну, Дибби протянула руки вверх: — Давай. Держись за раму, спускай ноги. Я поймаю.

Призвательница перемахнула через край неуклюже, со страхом. Её плащ зацепился за деревянный шип, ткань глухо треснула, и девушка едва не сорвалась, судорожно вскрикнув. Дибби перехватила её под мышки, принимая на себя всю её тяжесть.

Они оказались на земле. Вокруг царила мёртвая предрассветная тишина. На расстоянии вытянутой руки туман съедал все очертания. Лошади Ордена в загоне неподалёку глухо переступали копытами, пахло мокрым навозом и старой попоной.

— Туда, — Дибби указала рукой в сторону, где, как она помнила с вечера, в еловом частокле была хлипкая лазейка для слива грязной воды.

Они сделали всего пять шагов по липкой грязи, как вдруг Сайгар резко остановился. Шерсть на его загривке встала дыбом, а из пасти вырвалось короткое, яростное шипение.

Из тумана, прямо у них на пути, со стороны конюшни возникла тяжёлая, массивная тень.

Это был один из стражников Ордена. Он не караулил — судя по засаленному кожаному ведру в руке и расстёгнутому вороту серого плаща, он просто вышел до рассвета набрать воды для лошадей или справить нужду. Служака был заспан, его глаза были мутными от вчерашнего эля, но стоило ему увидеть две женские фигуры и прижавшегося к земле серого барса, как хмель мгновенно вылетел из его головы.

— Какого... — стражник замер, роняя ведро. Оцинкованное железо со страшным, гулким звоном покатилося по камням двора, разбивая тишину. — Тревога! Вставайте, сукины дети! Малая уходит!

— Бежим! — Дибби с силой толкнула спутницу в спину, направляя её к лазейке в частокале.

Позади них, внутри брёвен харчевни, мгновенно поднялся сумасшедший ор. Загрохотали перевернутые лавки, послышался топот тяжёлых кованых сапог и яростная ругань проснувшихся стражников ордена. Засов тяжёлых ворот частокола с треском распахнулся.

Дибби не стала оборачиваться. Они протиснулись сквозь узкую щель между подгнившими еловыми кольями, обдирая кожу на руках и плечах, и нырнули прямо в лесную кромку. Тракт остался справа, пустой и холодный, но выходить на него было самоубийством — на открытом пространстве стражники на лошадях настигли бы их за несколько минут.

Единственным спасением был дикий, глухой лес. Хлёсткие ветви мокрого можжевельника мгновенно ударили по лицу, ледяная сырость тумана забивала лёгкие, а под ногами хлюпал невидимый мох, но Дибби уверенно вела их глубже, в самую гуцу вековых елей, туда, где темнота и Чацоба становились её главными союзниками. Погоня шла по их пятам: сзади, сквозь треск ломаемых кустов, уже доносилось тяжелое, хриплое дыхание бегущих стражей Ордена.

Осенняя ночь за пределами частокола превратилась в сплошной, удушливый бег. Густой туман Вердании, до этого казавшийся спасением, теперь душил, забивая лёгкие ледяной сыростью и мешая дышать. Дибби шла впереди, стелясь низко к земле, её сапоги бесшумно тонули во мху, но за её спиной попутчица бежала на пределе сил. Лира, совершенно не привыкшая к дикой Чацобе, то и дело оступалась, тяжело, со свистом хватала ртом воздух, а её подол плаща с треском рвался о сухие ветки можжевельника.

— Быстрее... — хрипло выталкивала Дибби, подхватывая её под руку на скользком подъёме.

Сзади, ломая вековые ветви елей и яростно матерясь, ломались стражники. Тяжёлые кованые сапоги орденцев с глухим стуком вминались в грязь, и этот звук неумоимо приближался. Мужчины были злы, хмель из их голов давно вылетел, а бляхи Острия лозы на груди негромко побрякивали в такт их тяжёлому, хриплому бегу. Они знали лес хуже, но их шаг был шире, а выносливости тренированных солдат хватало, чтобы настигать беглянок. Сайгар серым призраком крутился у самых ног Дибби, его хвост нервно подёргивался, а голубые глаза горели в темноте чистой животной тревогой.

Внезапно подлесок оборвался. Девушки выскочили на небольшую проплешину и... замерли.

Они влетели прямо в ловушку. Перед ними, уходя далеко вправо и влево, разверзлась чёрная пасть Дикого оврага — глубокого, с отвесными, размытыми осенними дождями глиняными склонами, на дне которого глухо шумел невидимый в тумане ручей. Спуститься туда без верёвок впотьмах было невозможно, прыгнуть — верная смерть или сломанные ноги. Позади, отрезая путь назад, из тумана уже вырастали массивные серые силуэты преследователей. Бежать было некуда.

— Попались, птички, — из белёсой пелены тяжело дыша вышел старший стражник со шрамом на подбородке. Он обнажил широкий клинок, сталь которого тускло мазнула по

сырому воздуху. Второй стражник заходил слева, держа наготове тяжёлый латный наруч. — Ну и побегать же вы нас заставили. А ну, назад к тропе, пока я вам ноги не переломал.

Призывательница в ужасе попятилась к самому краю обрыва, её пальцы судорожно сжались, и над её плечом на секунду слабо, испуганно пискнул туманный хорёк, тут же растаяв от её парализующего страха. Дибби медленно отступила назад, заслоняя девушку собой, и её рука мертвой хваткой вцепилась в упругое дерево лука. Выстрелить в такой темноте в упор она бы успела, но против двоих латников этого мало.

И в этот момент земля под их ногами едва заметно дрогнула.

Справа, из густого, непроглядного малинника, росшего у самого края оврага, раздался звук, от которого у Дибби мгновенно онемел затылок. Это был не человеческий крик и не треск веток. Низкий, утробный, вибрирующий рокот, переросший в глухой, леденящий душу рев.

Из тумана вывалилась гора.

Старый, грозный медведь, чья шкура на загривке была покрыта седыми шрамами от прошлых драк, а левое ухо было разорвано пополам, вышел на поляну. Огромный хищник спал здесь в буреломе перед зимней спячкой, и наглый, шумный людской топот разбудил его, приведя в ярость. Медведь задрал массивную окровавленную морду, его маленькие свирепые глазки налились кровью, а из пасти потекла густая слюна, пахнувшая сырым мясом и тленом.

Стражники замерли, их клинки дрогнули. Медведь сделал тяжёлый шаг вперед, и его огромные когти с хрустом переломили гнилой ствол березы. Сайгар припал к земле, издав дикий, испуганный шип.

Дибби поняла, что через секунду зверь сомнет их всех. И в этот миг глубокого, предсмертного ужаса внутри её груди, прямо под кожаным жилетом, она почувствовала...

Её сознание вышвырнуло из собственного тела. Дибби не просто почувствовала медведя — она стала им на долю секунды. В её разум лавиной хлынула чужая, первобытная животная реальность: раскаленный внутренний жар, тупая боль в старом разорванном ухе, дикая, слепая ярость на двуногих тварей, которые воняют металлом и мешают спать. Сайн Дибби сплелся с сознанием зверя в тугой, пульсирующий узел. Она не приказывала ему. Она сделала другое — открыла медведю свою собственную душу, делясь своим страхом, своей чисто охотничьей породой и немым, отчаянным посылом: «Мы — лес. Мы одной крови. Не тронь».

Медведь внезапно осекся. Его тяжёлый рев оборвался на полуслове. Он повернул массивную голову, в упор уставившись на бледную шестнадцатилетнюю девчонку с луком. В его звярячьей голове повернулось что-то древнее. Связь сайна сработала — хищник почувствовал, что от этой малой и серого котенка у её ног не пахнет врагом. Они были частью его Чащобы.

Зверь отвернулся от девушек. Его налитые кровью глаза сфокусировались на мужчинах в серых плащах.

— Назад... сдавай назад... — в ужасе прохрипел левый стражник, но было поздно.

Медведь врубил такую бешеную, противоестественную для его туши скорость, что туман вокруг него просто разорвало. В один прыжок он преодолел разделявшее их расстояние. Старший стражник со шрамом успел лишь вскинуть свой клинок, но огромная когтистая лапа Хранителя леса с хрустом перебила сталь вместе с его рукой.

Раздался истошный, захлебывающийся человеческий крик. Медведь подмял одного из преследователей под себя, латы нагрудника с жутким скрежетом смялись под весом тридцатипудовой туши. Зверь рвал металл и живую плоть с глухим, чавкающим остервенением. Через три секунды крик старшего стража оборвался навсегда — хозяин Чащобы буквально разнес его надвое, залив раскисшую глину и мох горячей, дымящейся кровью.

Второй стражник, увидев, как его матерого командира превратили в кровавое месиво за несколько мгновений, издал дикий, бабий визг. Он бросил свой меч, развернулся и, не разбирая дороги, врубил бешеное ускорение, ныряя обратно в туман, в сторону тракта. Его панический, сумасшедший топот быстро затихал в глубине леса.

На поляне воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь тяжелым, силным дыханием зверя и тихим шумом ручья на дне оврага.

Медведь медленно повернулся. Его морда и лапы были густо вымазаны свежей кровью стражника Ордена Острия лозы. Он подошел ближе к Дибби — так близко, что она физически ощутила жар, исходящий от его шерсти, и резкий запах железа. Хищник опустил голову и издал короткий, глухой выдох, словно подтверждая их немой уговор. Дибби стояла неподвижно, её сердце колотилось где-то в горле, но она продолжала удерживать ментальную нить сайна, чувствуя, как ярость внутри медведя постепенно уступает место сытому, равнодушному спокойствию.

Зверь тяжело развернулся и лениво, покачивая окровавленными боками, ушел обратно в густой малинник, бесшумно растворяясь в белесом предрассветном тумане Вердании.

Дибби шумно, со свистом выдохнула воздух и едва не осела на мох — её ноги стали ватными, а из носа от страшного ментального напряжения потекла тонкая струйка крови. Сайгар тут же подскочил к ней, преданно тыча мордой в её ладонь. Сзади раздался глухой стук: призывательница, не выдержав увиденного кошмара, без чувств повалилась прямо на сухую хвою. Погоня была окончена, но они остались одни в самой глубине просыпающейся Чащобы.

Дибби тяжело опустилась на корточки у поваленной ели, прижалась спиной к шершавой коре и вытерла пальцами темную кровь, бежавшую из носа. Голова все еще гудела от страшного ментального рывка, но дыхание зверя в ее сознании наконец растаяло, оставив лишь сырую прохладу Чащобы. Сайгар, тихонько поскуливая, подошел ближе и принялся преданно слизывать соленые капли с её ладони.

— Тихо, Сай... всё хорошо, — прошептала она, потрепав котенка по серебристому загривку.

Она повернулась к распростертой во мху призывательнице. Двадцатилетняя девушка лежала неподвижно, её бледное лицо казалось совсем прозрачным в серых рассветных сумерках. Дибби провела ладонью по тяжелой, мокрой от ночного дождя еловой лапе, собирая ледяные капли, и резко провела мокрыми пальцами по лицу гостыи, а затем мягко похлопала её по холодным щекам.

Девушка судорожно, со свистом вдохнула воздух и резко открыла глаза. Несколько секунд она дико озиралась по сторонам, а затем её взгляд сфокусировался на окровавленной траве неподалеку, где лежали остатки старшего стражника.

— Нет... нет, нет... — её голос сорвался на глухой, панический шепот, переросший в настоящую истерику. Она вскочила, слепо уцепившись руками за плотную ткань дорожного плаща Дибби на плечах, судорожно тряся её. — Что мы наделали?! Зачем я тебя послушала? Нужно было оставаться в харчевне! Они бы увезли меня, я была бы в тепле, живая! А теперь Орден перевернет всю Верданию! Нас найдут, нас казнят! Что нам делать?! Куда идти?!

Дибби перехватила её запястья — пальцы девушки были ледяными, сведенными судорогой. Она сжала их крепко, заставляя смотреть себе в глаза.

— Успокойся, — твердо, без капли жалости отрезала охотница. — Если бы ты осталась там, тебя бы уже не было. А сейчас мы живы. В любом случае, назад дороги нет — выживший стражник уже на полпути к заставе. Нам нужно идти в Мидден.

— В город?! — она вытаращила глаза, в которых появилось лихорадочное отчаяние. — Да там на каждом воротах патрули! Нас схватят у первых же столбов!

Она резко рванулась в сторону, едва не повалив Дибби. Её взгляд, блуждающий и дикий, зацепился за широкий столичный меч, который выронил второй, сбежавший стражник. Оружие лежало в крапиве — длинный, тяжелый кусок качественной элириумской стали с блестящей гардой.

Девушка подскочила к нему, судорожно схватилась за рукоять обеими руками и попыталась поднять. Металл оказался неподъемным. Она потащила его за собой, пятась назад;

тяжелое острие с глухим, нелепым шурианием чертило извилистую борозду по мокрому мху и цеплялось за сухие еловые коряги. Беглянка спотыкалась о собственный подол, тяжело хрипела, волоча эту огромную железную дуру, и выглядело это настолько неуклюже в глухом диком лесу, что Дибби на секунду замерла.

— Оставь его, — серьезно и строго сказала Дибби, преграждая ей путь.

— Нет! Я не пойду без оружия! Нам нужно защищаться! — она упрямо дернула руку, но меч намертво застрял в корнях березы.

— Ты не умеешь им владеть, — Дибби сделала шаг ближе и мягко, но непреклонно разжала её побелевшие пальцы. — Ты только зря потратишь силы и сотреешь руки до крови. К тому же, посмотри на гарду. На ней выбито Острие лозы. Такое оружие есть только у стражников Ордена. Если городской дозорный увидит у деревенских девок столичный клинок с особой гравировкой — нас скрутят прямо на тракте, даже вопросов задавать не станут.

Девушка обессиленно опустила руки, тяжело дыша. Довод охотницы подействовал — безумный блеск в её глазах сменился глухой, покорной усталостью.

Дибби окинула её критическим взглядом и нахмурилась. Сама она в своем потертом кожаном жилете без рукавов и походном плаще выглядела как обычный приграничный житель, на которого в городе никто не обратит внимания. А вот её спутница... Из-под намокшего дорожного плаща виднелось длинное, светлое, красивое платье из дорогого тонкого сукна. Девушка надела своё самое лучшее платье, собираясь въехать в столицу Вердани благородной дамой, чтобы наконец-то «выйти в люди» и оставить позади нищету глухих провинций. Но здесь, среди болотной жижи, торчащих корней и прелой хвои Мирвальда, это парадное городское платье смотрелось чужеродно. Любой случайный встречный сразу бы понял, что эта нарядная барышня попала в Чащобу не по своей воле.

— Нам нужно достать для тебя другую одежду, — Дибби задумчиво потерла подбородок, прислушиваясь к лесу. — В этом платье тебя в Миддене каждая ищейка заметит. Нужно найти какой-нибудь уединенный хутор или стоянку углежогов подальше от тракта, где можно раздобыть простую холщовую рубаху и поношенную юбку. Поменяем одежду, и тогда в толпе ты не будешь выделяться. А пока — держись за мной и не отставай ни на шаг.

Она перехватила ясневый лук, поправила капюшон плаща и сделала шаг в глубь Чащобы, параллельно невидимому за деревьями тракту. Спутница, шмыгнув носом, молча поплелась следом, стараясь ступать точно по следам

Глава 13

Осеннее утро поднималось неохотно, процеживая сквозь плотные, заиндевелившие кроны вековых елей тусклый, оловянный свет. Но и этот блеклый рассвет успел смениться тяжелым, серым полуднем, а беглянки всё ещё шли, увязая в бесконечных лесных дебрях. Густой ночной туман Верданиш не рассеялся, а лишь осел ниже, превратившись в тяжелую, холодную росу, которая крупными каплями срывалась с лап можжевельника. Лес казался застывшим, зябким и бесконечно чужим.

По прямому, наезженному тракту от придорожной харчевни до Миддена оставался всего день пути, но выходить на открытую дорогу было нельзя. Дибби упрямо вела свою спутницу в обход, забирая всё глубже на юг, в самую глушь Чащобы, чтобы запутать следы и увести возможную погоню подальше от приграничной колен. Но плата за эту безопасность была высокой.

Они всё шли... Ноги, обутые в короткие кожаные сапоги, тяжело вязли в раскисшем мху, а поношенные шерстяные штаны снизу до колен насквозь промокли от холодной травы. Ветки можжевельника безжалостно хлестали по лицу, ледяная сырость пробирала сквозь плотную ткань.

Одежда за часы этого бесконечного, изнурительного марша окончательно пропиталась влагой и остыла. Дибби упрямо стискивала зубы, но шаг не сбавляла.

Позади, едва поспевая за бесшумным шагом охотницы, шла Ли́ра. Её нарядное платье из тонкого серого сукна, которое она берегла для столицы, превратилось в изорванное, промокшее до нитки рубище. Подол облепила жирная болотная глина, широкие рукава были безжалостно изодраны колючими кустами. Ли́ра шла, обхватив себя руками за плечи, мелко дрожа от утренней прохлады. Адреналин ночного побега окончательно сошел, уступив место тупому, изнуряющему бессилию. Она то и дело оступалась на скользких корнях, тяжело, со свистом хватая ртом воздух, и Дибби понимала: еще немного, и спутница просто упадет во мхи. Сайгар скользил чуть впереди, его дымчатая шерсть полностью промокла от росы, он чутко шевелил ушами, проверяя лесную кромку.

Когда силы были уже на исходе, а полуденное солнце едва угадывалось сквозь свинцовые тучи, лес впереди вдруг стал редеть, и донесся слабый, сырой запах застоявшейся воды и озерной тины. Наткнуться на жилище в такой глуши, после долгих часов слепого блуждания по бурелому, было колоссальной, невероятной удачей.

Сквозь сосновые стволы блеснула серая, зеркальная гладь лесного озера.

На небольшом песчаном мысу примостилась приземистая, почерневшая от постоянной сырости рубленая изба. Вокруг на высоких деревянных вешалах сушились тяжелые, сплетенные из грубой конопли сети. У костра, над которым в огромном чане уже закипала вода, сидел угрюмый старик в засаленном кожаном переднике. Его руки по локоть были испачканы серой чешуей — он споро, короткими взмахами широкого ножа потрошил утренний улов.

Дибби плавно подняла руку, заставляя Ли́ру и Сайгара затаиться в густых зарослях папоротника, поправила сползающую с плеча дорожную сумму и открыто вышла на песок.

— Доброго здоровья, хозяйин, — громко сказала она, удерживая лук опущенным к земле.

Рыбак вздрогнул, его заскорузлая рука с ножом на секунду замерла. Он насупился, оглядывая одинокую охотницу: — И тебе не хворать, малая. Чего ищешь на моем озере? До заставы в Миддене еще верст пятнадцать будет.

— Попутчица у меня, — Дибби сделала два шага ближе, остановившись на безопасном расстоянии. — Ночью от воров по бурелому бежали. Платье её суконное в клочья изодрано, вся грязница болотной покрыта, сама от холода зуб на зуб не падает. Нужна одежда простая, крестьянская. Холицовая рубаха да юбка старая.

Старик сплюнул в костер и раздраженно махнул ножом в сторону горы неразделенной рыбы: — На кой мне сдались ваши бабьи заботы? Бабы у меня нет, уж пять зим как в землю уложил. Проваливай, охотница, некогда мне, улов портится, до темноты почистить надо да засолить.

В этот момент кусты папоротника раздвинулись, и на песок вышла Ли́ра. Она мелко дрожала, но её взгляд, устремленный на грудь крупного озерного окуня и щук, был цепким. Она сделала глубокий вдох, с трудом удерживая равновесие на ватных ногах, и сделала шаг вперед:

— Хозяин, давай мы тебе с уловом поможем, — сорванным от усталости, но твердым голосом предложила она. — Раньше я в корчме у котлов стояла. Одной рукой всю эту гору уделаю, уху знатную сварю на всю твою избу, пока ты отдыхать будешь. А ты нам взамен — одежду старую из сундука бабьего да ведро горячей воды, смыть грязь.

Дибь, уловив момент, сняла перчатку, залезла рукой во внутренний карман жилета, нащупала кошель и аккуратно выудила один серебряный кругляш. Положила его на плоский прибрежный валун, придавив пальцем. Серебро тускло блеснуло в серых сумерках.

— И монету сверху, хозяин, — негромко добавила Дибь. — Серебро честное. В Мидден пойдешь — у кузнеца крючков новых купишь, гвоздей или соли для засола. Озеро ведь соли не даст.

Рыбак посмотрел на серебряную монету, затем на Ли́ру, которая уже присаживалась на корточки у корыта и со знанием дела прикидывала вес рыбины, и его угрюмое лицо заметно оттаяло. Хороший кузнечный товар и соль в приграничье стоили дорого, а девка, судя по её хватке, действительно знала толк в кухонной работе.

— Ладно, — буркнул старик, пряча нож в ножны на поясе и аккуратно забирая серебряник с валуна. — Монета к месту, соль у меня как раз к концу подходит. Заходите в сени, девки. Там за перегородкой кадка стоит, я вам кипятку из чана плесну. Отмывайтесь с дороги, а одежду я сейчас из сундука покойной бабы вырою. Как выйдете — за рыбу примемся.

Дибь облегченно выдохнула и подтолкнула Ли́ру к тяжелым дверям избы.

В тесных, темных сенях пахло сухими вениками, дегтем и приятным печным теплом от примыкающей стены. Старик занес следом ведро бурлящего кипятка, развел его в деревянной кадке ледяной озерной водой и ушел, плотно притворив дверь. Они остались одни в полумраке.

Дибь сбросила с плеча ремень тяжелого ясеневго лука, отвязала колчан, сняла дорожную сумку, скинула плащ и дрожащими от нетерпения пальцами расшнуровала боковые хлястики кожаного жилета. Сняв плотный доспех без рукавов, она потянула вверх ворот серой льняной рубахи. Ткань на спине насквозь пропиталась холодным, липким потом и неохотно отделялась от тела. Скинув рубаху на лавку, Дибь наконец добралась до самой обмотки. Сырой лён намертво прилип к груди. Она с трудом поддела ногтем тугой, разбухший узел на боку и одним плавным движением размотала длинную серую полосу ткани.

Она прислонилась спиной к бревенчатой стене, закрыла глаза и шумно, со свистом выдохнула.

Это было неопишное, чистейшее физическое блаженство. Давящий обруч, который часами сжимал грудную клетку и тер кожу подмышками, наконец исчез. Легкие расправились, впуская теплый воздух сеней полной грудью. Дибь зачерпнула деревянным ковшом теплой воды из кадки и с наслаждением плеснула себе на лицо, шею и плечи, смывая грязь, копоть и остатки запекшейся под носом крови. Кожа приятно горела от чистоты.

Ли́ра, стоящая у противоположной стены, впервые увидела Дибь без её грозного снаряжения. Перед ней мылась обычная девчонка — худенькая, с тонкими ключицами, но с крепкими плечами и жесткими мозолями от тетивы на пальцах. Вся её пугающая сила, укротившая ночью медведя, сейчас крылась лишь в этих спокойных, уверенных движениях.

Ли́ра вздохнула, стянула через голову свое намокшее, испорченное платье и без жалости швырнула его в угол. Смыв озерную грязь, она натянула то, что старик принес и оставил

на лавке: грубую холщовую рубаху из толстой серой нити и поношенную крестьянскую юбку. На ноги вместо намокиших туфель она обула грубые кожаные лапти, плотно перевязав их веревками у щиколоток.

Когда Ли́ра завязала пояс и поправила ворот, Дибби критически осмотрела её и удовлетворенно кивнула. Нарядная барышня исчезла. Теперь перед ней стояла обычная приграничная крестьянка.

Тяжёлая дубовая дверь избы глухо хлопнула, и девушки вышли обратно на песчаный мыс. Ли́ра сразу же направилась к костру. Лицо её после тёплой воды порозовело, а в движениях появилась былая уверенность кухонной батрачки. Старик-рыболов молча уступил ей место на бревне и забрал свой широкий нож, с интересом наблюдая за гостьей.

То, что произошло дальше, заставило рыбака забыть про табак, который он собирался набить в трубку.

Ли́ра работала не просто быстро — она двигалась так, словно всю жизнь только и делала, что управлялась с озерным уловом. Но главным удивлением стал её призыв. Маленький хорёк больше не дрожал от страха. Он юрко сноровисто крутился вокруг котелка, безошибочно подчиняясь едва заметным движениям пальцев Лиры.

Когда девушке понадобился дикий чеснок, призрачный зверёк метнулся к крыльцу, ухватил зубами пучок и в одно мгновение притащил их прямо к её колену. Ли́ра, не глядя, перехватила траву, кроша её в кипящий чан. Хорёк призрачно, задорно пискнул, крутанулся на месте и подкатил носом упавшую в песок луковичу, а затем аккуратно, передними лапками подтолкнул к руке хозяйки чистый деревянный половник. Они понимали друг друга без слов. Дух, которого на хуторе считали проклятием, здесь работал как самый ловкий кухонный помощник, поднося ингредиенты точно в секунду, когда Ли́ра тянула за ними руку.

Старик-рыболов ошарашенно переводил взгляд с шустрого туманного зверька на кипящую уху. Над мысом поплыл такой густой, наваристый и правильный янтарный пар, пахнувший лавровым листом и сладкой рыбой, что у хозяина избы невольно потекла слюна.

— Ну и дела... — пробормотал старик, качая головой. — На лодочных станциях в Миддене за такую стряпню купцы бы золотом платили. А уж этот твой... прихвостень. Не думал, что колдовство бывает полезным в хозяйстве.

Пока Ли́ра удивляла рыбака своей сноровкой, под вековой сосной развернулось совсем другое представление.

Дибби, присевшая на корточки рядом, едва сдерживала улыбку, наблюдая за Сайгаром. Маленький барс, учуяв жирный запах готовой еды, окончательно потерял свою охотничью спесь. Старик выложил для него на широкую чистую щепку крупного варёного окуня, уже успевшего остыть. Сайгар, до этого пытавшийся выглядеть грозным хищником, припал к земле и ревностно заурчал на всю поляну, забавно подёргивая хвостом.

Но разделаться с рыбой оказалось не так-то просто. Сайгар никогда раньше не ел рыбы. Варёный окунь скользил по гладкой щепе. Котёнок попытался прижать его лапой, но рыба выскочила и ткнула его хвостом прямо в мокрый нос. Сайгар в ужасе отпрянул, уморительно чихнул и пару раз сердито ударил по окуню когтистой лапой, словно тот был живым и пытался напасть.

— Сай, глупый, не дерись с ней, ешь, — тихо фыркнула Дибби, прикрывая рот ладонью в перчатке.

Поняв, что силой окуня не взять, барс сменил тактику. Он осторожно подполз ближе, смешино вытянув шею, аккуратно зацепил рыбину зубами за брюхо и попытался заглотить целиком. Окунь, разумеется, не полез. Сайгар замер с разинутой пастью, из которой торчал рыбий хвост, выпучил круглые голубые глаза и издал приглушённое, недовольное ворчание. Ему пришлось выплюнуть добычу на мох. В конце концов, проявив кошачью хитрость, он устроился на животе, зажал рыбу между передними лапами и принялся старательно, с чавканьем

вылизывать мягкое разваренное мясо, забавно морица нос каждый раз, когда ему на усы попадала мелкая чешуйка.

Старик-рыбак, глядя на эту возню, глухо, по-доброму рассмеялся: — Гляди-ка, боевой кот, а с окунем совладать не может. Ничего, подрастёт — на моем озере всю выдру выловит.

Дибь усмехнулась, не отрывая взгляда от барсёнка:

— Он в лесу родился, дедушка. Рыбу в первый раз видит.

— А чего ж ты его не учишь? — Альд почесал седую бороду. — Барс — он не просто так, он для дела. Если его к охоте не приучить, так и будет всю жизнь за окунями по мху ползать, как деревенский кот.

— Я учу его, — тихо ответила Дибь. — След брать, в тени сидеть, по команде замирать. Но у меня с собой никого нет, кто бы подсказал, как с ним работать по-настоящему.

Альд помолчал, помешивая угли в костре. Потом сказал негромко, будто вспоминая:

— В Миддене есть один человек. Старый зверолов, его Хейн зовут. Он при храме живёт, у южных ворот. Раньше он гончих натаскивал. Если кто и знает, как с диким зверем обращаться — так это он. Только он к чужим не сразу подходит. Скажи ему, что от Альда с озера пришла. Может, и согласится помочь.

Дибь подняла голову, прищурилась:

— А он не побежит в стражу докладывать?

— Хейн? — старик усмехнулся. — Ему на стражу плевать, ему важно, чтобы с животным умели обращаться. Если он увидит, что ты с этим котом делаешь толк — он поможет. Если нет — и не суйся.

Он потянулся к котелку, достал длинную деревянную ложку и обернулся к Дибь, его лицо снова стало серьёзным и приграничным: — Уха готова, девки. Садитесь к огню, поедим.

Уха вышла наваристой, обжигаяще горячей и пахла так густо, что у Дибь кружилась голова. Они ели молча, прямо из общего чугунка, орудуя грубыми деревянными ложками. Лира, в новой холщовой рубахе, ела неторопливо, но уверенно, а её призрачный хорёк к этому времени совсем растаял. Сайгар под сосной закончил возиться со своим окунем, сыто облизнулся и теперь устроился на животе, лениво наблюдая за людьми круглыми голубыми глазами.

Старик отставил пустую миску, вытер седую бороду тыльной стороной заскорузлой ладони и пристально посмотрел на девушки: — Ну, девки, уха — чистый мёд. Давно я так сытно не столовался. Сами-то вы чьих будете? Звать-то вас как? В наших краях охотники с ручными котами да поварихи с туманными хорьками на дорогах не валяются.

Дибь на секунду замерла, удерживая ложку у губ. Охотничья порода мгновенно подала знак: в приграничье Вердании открывать свои настоящие имена чужакам на безлюдном тракте — глупость. Стража Ордена Острия лозы перевернёт Мидден в поисках беглянок, и чем меньше этот старик будет о них знать, тем безопаснее для него самого, если к озеру нагрянет патруль.

Она мягко опустила глаза и поглубже натянула капюшон плаща, проигнорировав вопрос. Лира, уловив её молчаливое предостережение, тоже промолчала, лишь плотнее сжав губы.

Рыбак глухо хохотнул, ничуть не обидевшись на их скрытность. Приграничные жители привыкли к недоверию — в лесу у каждого были свои тайны.

— Ладно, дело ваше, — хозяин избы потянулся, хрустнув старыми суставами. — Можете не сказывать. А меня Альдом звать. Все вокруг Альдом зовут, кто за рыбой на озеро заглядывает.

— Дедушка Альд, — Дибь подняла голову и прямо посмотрела на старика. — Нам укрытие нужно. На два-три дня, не больше. Дай переждать в твоих сенях или дровянике, пока на тракте всё не затихнет. Мы в долгу не останемся. Лира... — она запнулась, вовремя прикусив язык и не назвав попутчицу по имени, — подруга моя по хозяйству поможет, у устья сетей

посидит, уху сварит, избу приберет. А я в лес пойду. Дичи принесу, рябчиков или зайца подстрелю, чтобы у тебя солонина к зиме водилась.

Старик Альд задумчиво почесал затылок, перевёл взгляд на сытого, довольного барса под деревом, а затем кивнул: — Два-три дня — это можно. Можно и больше. Места в сенах на соломе хватит, а от свежей зайчатины перед зимой я не откажусь. Оставайтесь сколько нужно. Но вот что интересно, — сказал старик, посмотрев на хорька, а потом на Лиру. — Этот твой... помощник. Я ведь как думал: раз у человека такое колдовство проснулось — ему прямая дорога в город, к орденским господам. Они ведь забирают таких, в довольстве держат, сытно кормят. Чего ж ты на хуторе батрачила, коли могла к богатеям пристроиться?

Лира отпустила деревянную мутовку, и хорёк мгновенно растаял, обратившись в едва заметное облачко сырого пара. Она опустила глаза, судорожно сжав пальцы на коленях, но промолчала, не решаясь перечить старику.

Вместо неё ответила Дибби. Она сидела напротив, набивая походную сумку сухарями, и её ясеневый лук покоился рядом на бревне.

— Господа в городе далеко, — тихо, но весомо произнесла охотница, прямо взглянув на рыбака из-под капюшона. — Ты сам-то хоть одного парня или девушку видел, кто от этих орденских назад в наши края вернулся? Ну, чтобы здоровым и при деньгах? — Да откуда мне... Наш брат приграничный дальние озера носа не кажет. Но так ведь испреди повелось: раз сильные — значит, им виднее. Раз берут одарённых — значит, так надо.

— Кому надо, дедушка? — Дибби горько усмехнулась уголками губ. — У нас на соседнем хуторе жил Ораст. Дед Бран рассказывал, что в молодости он тоже умел какую-то чертовщину из леса звать. Сильный был парень, веселый. Орденские его забрали, мать его радовалась, думала — сын в люди выбился, человеком станет. А позже Ораст приполз обратно ночью. Весь израненный, худой, без капли ума в голове. Начисто безумным вернулся, будто из него душу по капле выцедили. Заколотил окна в своей избе, ни с кем не говорил и ушёл подыхать в Дикие скалы. Орденские ничего просто так не дают, Альд. Ораст к ним здоровым ушел, а вернулся калекой пугающим. От них держаться надо дальше, чем от волчьей стаи.

Заскорузлое лицо рыбака вытянулось, а в глазах на секунду проступил глухой, чисто крестьянский страх. Одно дело — слышать сказки глашатаев на рынках про великих спасителей, и совсем другое — узнать про безумного Ораста, который жил на соседней меже. Старик привык верить силе, но слова девушки заставили его впервые задуматься, какую цену платят те, кто к этой силе прикасается.

— Начисто безумным, говоришь... — Альд сглотнул, оглядываясь на притихшую Лирu. — Эх ведь... А у нас в Миддене все твердят, что без орденских господ нас волки за одну зиму сожрут. Кому ж верить-то тогда, коли и они людей калечат?

— Себе верить, дедушка Альд, — Дибби поднялась, натягивая кожаную перчатку на правую руку. — И озеру своему. Оно по крайности не лжёт и ума не лишает.

Глава 14

Следующие дни превратились для Дибби в привычную, понятную лесную работу, которая помогла ей окончательно вытряхнуть из головы ночной кошмар у оврага.

Пока Ли́ра занималась будничными делами на хуторе — помогала Альду чинить конопляные сети, отмывала закопченную посуду и ловко управлялась у печи, — Дибби каждое утро уходила глубоко в Чащобу. Она брала с собой тяжёлый ясеньевый лук, колчан со стрелами и Сайгара. Молодому барсу пришло время учиться настоящей охоте.

В лесу Сайгар преображался. В отличие от деревни Брана, здесь его горная кровь требовала воли. Дибби приучала котёнка двигаться параллельным курсом, бесшумно, не шурша сухой хвоей и не выдавая себя глухим урчанием.

— Сай, тихо. К ноге, — шептала Дибби, замирая у замишлого березового пня.

Котёнок мгновенно припадал к земле, сливаясь своей дымчато-серой шерстью со старыми листьями. Его уши чутко прядали, улавливая малейшие шорохи просыпающегося леса.

На второй день им повезло. Из-под густого куста колючей ежевики на поляну выскочил крупный лесной заяц — серый, с белым брюхом. Зверёк замер на секунду, шевеля длинными ушами. Дибби плавно, без единого звука потянула тетиву лука, её ладонь в кожаной перчатке действовала безошибочно. Короткий свист — и стрела намертво пригвоздила зайца к раскисшей глине.

Сайгар от неожиданности подпрыгнул на месте, выгнув спину дугой и забавно зашипел на упавшую добычу.

— Иди сюда, глупый, — Дибби тихо рассмеялась, опуская лук, и подошла к зайцу. — Твоя работа. А ну, возьми. Почувствуй запах.

Она потрепала барса по загривку, подталкивая к добыче. Котёнок осторожно, на полусогнутых лапах приблизился к обмякшему телу зверя. Сначала он смешно ткнул его лапой, проверяя, не бросится ли заяц в драку, как тот варёный окунь у костра. Но затем, почуяв резкий, настоящий запах парного мяса и свежей крови, Сайгар мгновенно преобразился. Его голубые глаза сузились, превратившись в две хищные щелки. Он мертвой хваткой вцепился зубами в заячью шею, утробно, яростно зарычал и попытался уволочь добычу в кусты, ревниво косясь на Дибби.

— Эй, брось, это дедушке Альду на ужин! — с улыбкой отобрала у него зайца Дибби.

Охотница с любовью посмотрела на Сайгара и с удовлетворением отметила, что барс за эти дни заметно окреп. Лес Вердании принимал его, возвращая дикую силу.

На третий день Дибби решила, что пора проверить, чему научился Сайгар за эти дни и устроить ему своеобразный экзамен. Она взяла лук, колчан и ушла в лес с ним. Там, у старой вырубki, где лес был реже и трава ниже, она почувствовала: зверь есть.

Сайгар принахался и напрягся. Его хвост дрогнул. — Тихо, — шепнула она. — Мы не нападаем, мы ждём.

Она выбрала удобное место за поваленной сосной, присела на корточки и затаилась. Сайгар лёг рядом — неподвижно, как она учила. Время тянулось медленно.

Наконец на поляну вышел молодой олень. Рога — ещё мягкие, но уже заметные. Тонкий, чуткий, с влажными глазами. Он остановился на середине поляны, вслушиваясь и внюхиваясь.

Дибби не стала торопиться. Она смотрела, как он двигается, как ставит ноги, как поворачивает голову. Затем, едва заметно кивнула Сайгару.

Он понял. Плавно, без резких движений, он начал обходить оленя с левой стороны — туда, куда ветер не доносил запах. Дибби осталась на месте, прикрывая его стрелой.

Это был уже не первый урок. На этот раз Сайгар делал почти всё сам. Он двигался так, чтобы не выдать себя, не приближался слишком быстро, не забежал вперёд. Он учился — не у неё, а у ветра, у земли, у собственного тела.

Олень почуял что-то, когда Сайгар был уже на расстоянии пятнадцати шагов. Он вскинул голову, насторожился, сделал шаг назад. Но медлить было нельзя.

Дибь выстрелила. Стрела вошла точно в шею, чуть ниже уха, и олень упал.

Когда Дибь подошла к нему, Сайгар сидел рядом — гордый, с приподнятым хвостом, тяжело дышащий. Он посмотрел на неё, и в его взгляде читалось что-то, чего раньше не было: он сам выбрал путь.

— Ты его взял, — тихо сказала она. — Это твоя добыча.

Она потрепала его по загривку, и он не отстранился, но и не прижался — стоял рядом, как напарник.

Она разделала тушу быстро и чисто, оставив крупные куски мяса, шкуру и рога. Сайгар сидел неподалёку, наблюдая. Он не подходил к добыче — он уже знал, что она его, и ему не нужно было доказывать это себе. Он был доволен собой, и гордость этого маленького барса читалась во всём его виде: в хвосте, который он держал чуть приподнятым, и в том, как он твёрдо стоял на лапах, а не терся о её ноги в поисках одобрения.

Дибь поднялась, стряхнула кровь с рук и бросила сумку на плечо. Сайгар встал рядом. Она посмотрела на него и едва заметно улыбнулась.

— Теперь, — сказала она тихо, — ты не просто барсёнок. Ты охотник.

Его взгляд не выражал восторга, но в нём было спокойное, уверенное «да, я знаю».

Дибь шла обратно к озеру, почти не замечая давившего на плечи веса трофеев. Впервые за долгие дни на душе у неё было легко. Лямка дорожной сумки привычно врезалась в плечо, шерстяные штаны снизу до колен потяжелели от росы, но охотничий азарт ещё бурлил в жилах. Она оборачивалась на Сайгара, и губы сами расплывались в улыбке. Котёнок шагал рядом — гордый, матерый, с приподнятым хвостом, бережно неся в зубах оленью печень. Он сдал свой первый экзамен. Лес принял его, и Дибь знала, что теперь у неё есть настоящий напарник.

Она уже представляла, как Альд всплеснет руками, как удивленно заматерится, выронив свое конопляное шило, и примется ощупывать жирный олений бок. Как Ли́ра, по-хозяйски подвязав передник, начнет споро точить кухонный нож, отчитывая их за поздний уход. Этот крошечный, скрытый в камышах хуторок за три дня успел стать для Дибь чем-то похожим на дом.

Запах дыма она почуяла за сотню шагов. Но это был не сладкий, горьковатый парок ольховой щепы из коптильни. Пахло горелой тряпкой, палёной шерстью и сырým, затухающим пожарищем.

Сайгар вдруг замер. Его хвост упал, уши намертво прижались к черепу, а изо рта с глухим стуком выпала оленья печень. Зверь утробно, предупреждающе зарычал, обнажая клыки.

Сердце Дибь пропустило удар. Она сбросила шкуру с мясом прямо в грязь, рванула с плеча лук и, пригибаясь к самой земле, метнулась сквозь кусты папоротника к поляне.

Изба Альда встретила её мертвой тишиной. Тяжелая дубовая дверь была сорвана с петель и валялась на песке, расколота надвое. Окна выбиты. Вешала с сетями повалены и безжалостно изрезаны ножами, а из распахнутых сеней шлейфом тянулись выброшенные на улицу кухонные горшки, перья из разорванных подушек и перевернутый ларь для соли.

Дибь ворвалась в избу, тяжело хрипя сквозь сжатые зубы. — Альд!.. Ли́ра!..

Старик лежал посреди горницы. Его засаленный кожаный передник был залит темной, уже густеющей кровью. Седая борода, которую он еще вчера лениво поглаживал у костра, была выдрана клочьями вместе с кожей. Глаза Альда — простодушные, светлые глаза рыбака — слепо и неподвижно смотрели в бревенчатый потолок. Его забили насмерть,

тяжело, кованными сапогами, ломая ребра и грудную клетку за то, что он посмел укрыть беглянок.

Дибь упала перед ним на колени. Лук стукнул по половикам. Её руки в кожаных перчатках судорожно коснулись его плеч, словно она еще пыталась растолкать старика, вернуть его к жизни. — Дедушка... дедушка Альд, ну же...

Грудь рыбака была холодной. Изнутри Дибь поднялась душиная, черная волна, перехватившая горло. На секунду её лицо сморщилось, из глаз брызнули горячие, злые слезы, и из груди вырвался глухой, жалкий девичий плач. Она уткнулась лбом в его окровавленное плечо, содрогаясь всем телом от бессилия и запоздалой вины. Это она привела сюда смерть. Она погубила старика.

Но плач длился всего несколько мгновений.

Слезы замерли. Лицо Дибь исказилось, превратившись в жесткую, каменную маску, а в глазах, подернувшихся красной сеткой лопнувших сосудов, зажглось бешеное, первобытное пламя. Кровь прилила к вискам. Секундная слабость выгорела, оставив вместо себя чистую, леденящую ярость. Из её горла, сменяя плач, вырвался глухой, вибрирующий рык — страшный, звериный звук, который подхватил стоящий у порога Сайгар.

— Ищи... — хрипло выдохнула Дибь, вскакивая на ноги. — Сай, ищи их!

Она вылетела на крыльцо. Барс уже крутился у разбитого забора. На мокрой глине четко отпечатались подковы тяжелых армейских коней и глубокие следы кованых сапог. Пятеро. Пять новых преследователей и с ними — шестой, пеший, чья цепочка следов то и дело петляла и сбивалась. Выживший стражник. Тварь, которая запомнила дорогу. Следы вели прочь от озера, наискосок через Чащобу, обратно к тракту. Они забрали Лиру живой.

Дибь не бежала — она летела по лесу серой тенью, перемахивая через поваленные стволы. Сайгар стелился по мху параллельным курсом, беззвучно, вытянув шею, превратившись в идеальное орудие убийства. Ярость дала Дибь чудовищную силу: усталость полудня испарилась. Была только цель.

Она нагнала их через две версты, у старого дренажного оврага. Отряд Ордена Острия лозы двигался не таясь, уверенный в своей безнаказанности. Четверо латников в серых суконных плащах сидели в седлах, а двое шли пешком. Тот самый выживший стражник с перевязанным плечом яростно тащил за собой на веревке Лиру. Девушка спотыкалась, падала в грязь, но он грубо рывком поднимал её, осыпая бранью.

Дибь затормозила за густой лапой ели в тридцати шагах от замыкающего всадника. Её ладонь в кожаной перчатке легла на тетиву ясеневое лука без единого звука.

Выдох.

Тетива запела коротко и зло. Первая стрела ушла в просвет между ветвями. Она не убила латника наповал — тяжелый наконечник с хрустом вошел ему в бедро, пробив кожаный поддоспешник. Всадник глухо вскрикнул, его конь шарахнулся в сторону. — Что за... — крикнул командир впереди, разворачивая лошадь. — Засада! К оружию!

Они еще не поняли, откуда бьют. Латники начали спешиваться, хватаясь за рукояти мечей, закрываясь щитами. Но Дибь уже сменила позицию. Охотник никогда не стоит на месте.

Вторая стрела со свистом срезала лицо второму пешему солдату, который попытался вскинуть арбалет. Мужчина захрипел, падая навзничь и заливая прелую хвою кровью.

— Она в кустах! Слева! — заорал выживший стражник, его глаза расширились от панического ужаса, он узнал этот ясеневый лук.

В этот момент из папоротников, беззвучно и страшно, вылетел серый дымчатый барс. Сайгар прыгнул на раненого в бедро латника, который только успел опустить ногу на землю. Мощные когтистые лапы врезались в грудь мужчины, опрокидывая его на спину. Сайгар

яростно, утробно зарычал, смыкая челюсти на его горле под подбородком, уворачиваясь от ударов латных перчаток.

Осталось четверо. Командир и еще один латник кинулись с мечами в заросли, пытаясь достать охотницу, но Дибби хладнокровно, шаг за шагом пятясь назад, выпустила еще две стрелы. Одна ушла в колено латнику, заставив его с криком рухнуть на камни, вторая пробила шею командирской лошади. Животное замертво рухнуло, придавив всадника тяжелым крупом. Третий пытался обойти с фланга и с мечом наперевес бросился в атаку. Но ему просто не повезло. Стражник нелепо споткнулся о торчащий корень, со всего маху повалился в дренажный овраг и со страшным хрустом напоролся грудью на острый, обломанный сук. Судорога — и всё кончено.

— Назад! Назад, тварь, или я прирежу её прямо здесь! — дико завизжал последний, выживший стражник.

Дибби остановилась, медленно поднимая лук. Стрела лежала на тетиве, нацеленная прямо в переносицу врага. Но выстрелить было нельзя.

Стражник укрывся за телом Лирь. Он обхватил девушку сзади за шею здоровой рукой, а второй, раненой, судорожно прижимал к её горлу короткий кинжал. Из-под лезвия уже сочилась тонкая струйка крови. Лира замерла — её лицо было белым, губы дрожали, но в глазах, смотревших на Дибби, кроме ужаса вдруг проступило что-то еще. Темная, яростная крестьянская гордость батрачки, которую лишили последнего права на жизнь.

— Брось лук! Брось, сука лесная, или её башка покатится во мхи! — хрипел стражник, пятясь к обрыву оврага, увлекая Лирю за собой. Его щит был потерян, шлем сбит, лицо перемазано грязью и потом.

Дибби не опустила лук. Её пальцы застыли в каменном напряжении. На поляне хрипели раненые, Сайгар, тяжело дыша, припал к земле рядом, готовый к новому прыжку, но расстояние было слишком коротким — стражник успел бы перерезать Лире горло до того, как стрела долетит до его черепа.

Лира медленно, едва заметно повела пальцами правой руки, спрятанной в складках своего дорожного плаща. Воздух между её телом и грудью стражника на долю секунды стал влажным и ледяным, пахнувшим озерной тиной Альда.

Из капель этого тумана соткался маленький призрачный хорек. Зверек не пищал. Он юрко вывернулся из-под локтя мужчины, вскарабкался по его плечу и со всей силы, на какую был способен дух, вцепился своими острыми светящимися зубами прямо в мочку уха стражника.

Мужчина дико, неожиданно взвыл от резкой боли. Его голова дернулась вправо, кинжал на миллиметр отошел от горла Лирь.

Этого мгновения Дибби хватило.

Тетива щелкнула. Стрела сорвалась с места и с глухим, костяным стуком вошла стражнику прямо в правое плечо, пониже ключицы. Сила удара была такой, что мужчину откинуло назад. Но стрела из ясеневоего лука не убила его наповал — она пробила мышцы, застряв в кости. Стражник с воплем повалился на спину, выронив кинжал, и судорожно засучил ногами по раскисшей глине, пытаясь дотянуться до выпавшего из рук длинного меча, лежавшего в криве.

Лира не побежала к Дибби.

Что-то внутри призывательницы окончательно лопнуло и сгорело в эту секунду. Вся её прошлая жизнь, её страх перед Орденом, перед старостой, перед собственной магией — всё это исчезло, уступив место пустой, выжженной боли за убитого старика, который дал ей кров.

Она сделала два шага вперед, тяжело дыша. Нагнулась и обеими руками подхватила с земли тяжелый, неподъемный меч с гравировкой Острия лозы. Тот самый меч, который

она неуклюже волочила три дня назад у Дикого оврага. Но сейчас оружие не показалось ей тяжелым. Ярость налила её крестьянские руки свинцовой силой.

Стражник, хрипя и отплевываясь кровью, поднял голову и ужаснулся. Над ним стояла беглая девка в серой холстине, удерживая клинок над головой.

Лира оскалилась, её лицо перекосилось. Из её груди вырвался дикий, сумасшедший рык — протяжный, звериный выкрик, в который она вложила всю свою сломанную жизнь.

Она обрушила тяжелую сталь вниз, наваливаясь всем весом. Меч с глухим, страшным хрустом рассек кожаный ворот и вошел глубоко в шею стражника, оборвав его крик на полуслове. Кровь брызнула на её серую рубаху и лицо, но Лира не отпрянула. Она стояла над мертвецом, тяжело вздымая грудь, по-прежнему сжимая рукоять обеими руками, а её призрачный хорек тихо сидел на плече, светящимися глазками глядя на затихший отряд.

Дибби медленно опустила лук. Сайгар подошел к Лире, обнюхал залитый кровью подол серой юбки и глухо, одобрительно фыркнул. Охотников в Чащобе стало двое.

На поляне хрипели и выли раненые. Латник с раздробленным коленом катался по мокрому мху, пачкая пальцы в глине, а прижатый тушей лошади командир сидел, пытаясь вдохнуть воздух раздавленной грудной клеткой. Они оба дико, с надеждой смотрели на шестнадцатилетнюю охотницу.

— Поцади... малая... — выплюнул кровь командир, судорожно дергая свободной рукой. — Домой... у меня... серебро... всё забирай...

Дибби медленно опустила лук, но тетиву из пальцев в кожаной перчатке не выпустила. На её лице, перемазанном серой грязью и запекшейся под носом кровью, не дрогнул ни один мускул. Жалости не было. Была только холодная необходимость лесного жителя, убирающего за собой опасные следы. Если эти двое выживут — Орден перевернет приграничье за сутки.

— Лира, лови коней, — коротко, сухо приказала она.

Пока призывательница, все еще бледная и шатающаяся, ловила в кустах за поводья испуганно хрипящих лошадей ордена, Дибби подошла к раненым. Она хладнокровно срезала кожаные походные кошель с поясов живых и мертвых. Пальцы в перчатках безошибочно находили мешочки. С рядовых бойцов она стянула около полутора десятков прочных серебряных монет и горсть меди. Раскрывая кошелек командира, Дибби на секунду замерла: на ладонь, среди тяжелых серебряных кругляшей, выпала одна-единственная чистая золотая монета — королевский золотой. Дибби никогда в жизни не держала в руках золота. Она спрятала трофей во внутренний карман жилета — теперь там лежало около тридцати пяти серебряных монет и одно золото. С трех лошадей она срезала переметные сумы с армейскими сухарями и припасами.

Завтрака и отдыха не предвиделось. Дибби достала из седельных сумок прочные конопляные веревки.

Раненые выли и умоляли, понимая, что происходит, но охотница действовала быстро и умело, словно связывала туши забитых вепрей. Она намертво скрутила латнику здоровое колено и руки за спиной, а командира, хрипящего от боли, они вместе с Лирой с трудом вытащили из-под мертвой лошади и связали точно так же.

Дибби привязала концы веревок к седлам живых коней.

— Пошли, — хмуро бросила она, перехватывая поводья.

Они тащили их обратно к озеру волоком по грязи почти две версты. Латники срывали голоса от крика, их серые плащи превратились в окровавленные лохмотья, но Дибби не оборачивалась. Сайгар шел следом, его уши чутко прядали, а на дымчатых усах подсыхала темная кровь первого убитого им человека.

Верхом они добрались до озера Альда всего за треть часа. Изба рыбака встретила их прежней разграбленной тишиной.

Дибби осадила коня, соскочила на песок и грубо забила раненым рты их же окровавленными шейными платками, обрывая крики. Вместе с Лирой они стащили стонущих, связанных латников с седел, заволокли внутрь горницы и бросили прямо на бревенчатый пол, рядом с холодным телом старика Альда. Командир Ордена дико вращал глазами, глядя на убитого рыбака, но сделать уже ничего не мог.

Дибби выгребла сухую лучину, бересту и швырнула их на солому в сенях. Затем подошла к очагу, где еще теплились угли, подхватила щипцами крупную, дымящуюся головню и бросила её прямо в сухой мох у стены. Рыжий, злой огонь с гулом пополз вверх по бревнам. Из разбитых окон повалил густой, черный дым, скрывая стоны запертых внутри людей.

Они не стали задерживаться на пепелище. Дибби и Лира снова вскочили на лошадей. Теперь, когда пленные были оставлены в избе, девчонки пустили коней рысью, уходя далеко на юг, прочь от пожарища. Сайгар не отставал ни на шаг, его широкие лапы бесшумно пружинили по мокрому мху.

Они пролетели верхом большую часть пути, оставив позади опасную зону Чащобы, пока деревья не начали редеть, а впереди не показалось старое, каменистое русло Черной протоки — полувысохшего лесного ручья, который вел прямо к городским стенам. Дальше продвигаться на приметных лошадях ордена было смертельно опасно.

Дибби резко осадила лошадь у расколотой березы: — Все, приехали. Слезай, — коротко бросила она Лире.

Они спешили. Дибби быстро сняла с коней уздечки, сорвала тяжелые седла с клеймами ордена и безжалостно швырнула их в глубокую болотную жижу у ручья. Кони со знаками Острия лозы сослужили свою службу, но тащить их к стенам — верная гибель.

— Забирай сумы, — сказала Дибби, перехватывая потяжелевший ясеньевый лук.

Она с диким, яростным криком взмахнула плащом и с силой хлопнула коней по крупам. Испуганные, освобожденные от тяжелой упряжи животные с треском ломанулись сквозь Чащобу в противоположную от тракта сторону, уводя за собой возможный след погони.

Девчонки поправили лямки припасов и сделали первый шаг в сторону городских стен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.